

**ПЯТЬ МИНУТ  
ДО ЛЮБВИ**



**ИРИНА  
ЛОБУСОВА**



Ирина Лобусова

**Пять минут до любви**

«Автор»

2013

## **Лобусова И. И.**

Пять минут до любви / И. И. Лобусова — «Автор», 2013

Однажды, гуляя с подружкой по вечернему городу, героиня знакомится с человеком, к которому не применимо слово любовь. Он – тот, кого и в шутку, и с ненавистью принято называть «новым русским». Он впитал самые худшие черты своего класса, словно персонаж избитого анекдота. Она – полная противоположность. Им даже не о чем говорить. Но в их знакомстве кроется нечто большее. Их встреча повлечет за собой самые неожиданные события. Оба не могут понять, что происходит между ними – то ли большая любовь, то ли пламенная страсть, то ли вражда по пустякам, то ли холодное равнодушие. Она никак не может разобраться в этих отношениях, и это сводит ее с ума. Она пытается разгадать эту загадку, но не может знать того, что приготовила ей судьба.

© Лобусова И. И., 2013

© Автор, 2013

# Ирина Лобусова

## Пять минут до любви

*Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.*

### **ВСЕ СОБЫТИЯ И ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА ЭТОЙ КНИГИ – АВТОРСКИЙ ВЫМЫСЕЛ. ЛЮБЫЕ СОВПАДЕНИЯ С РЕАЛЬНОСТЬЮ – СЛУЧАЙНОСТЬ.**

#### **АВТОР.**

Я так и не поняла, кем он был: мечтой, плодом моего больного воображения или ночным кошмаром. Он возник в те смутные времена, когда любой бизнес был черным. Его состояние (он создал его почти по пословице – ловил сомнительную рыбу в мутной воде) было таким же темным и странным, как и его душа.

Я так и не поняла, кем он был... Поэтому буду называть его кошмаром. Разбирая старые бумаги в глубинах шкафа, я случайно нашла его фотографию.

С того времени, как случилась эта история, прошло много лет. Я стала взрослой, совершенно независимой женщиной. Я вышла замуж, родила сына, нашла свою дорогу в жизни. Я изменила прическу, свое имя и цвет волос. Но...

Но со старой, пожелтевшей фотографии, обтрепанной по краям, вдруг глянуло на меня его лицо – лицо моего кошмара. Он взглянул так знакомо, как будто не прошло никаких лет. И все было так, как тогда: ночная фиеста южного портового города, молодость, ветер, пришедший с моря, и все, доведенное до последней степени крайности – отчаяние и любовь, очень много любви и очень много отчаяния.

Все это осталось в моей памяти – как шрам, под грузом прожитых лет. Я порвала фотографию. А потом решила рассказать эту историю.

Мой кошмар звали Леонидом Валерьевичем. Его имя было намного благозвучнее, чем он сам. Когда мы познакомились, ему было тридцать девять лет. Был он не высокого роста и не очень красив. Позже я поняла, что он не особенно умен, скуп, не выносит делать подарки, и до невозможности скучен в постели. Он не умел вести светские беседы, не ходил в кино или в театр, за всю свою жизнь не прочитал ни одной книги, географию изучил на стамбульском базаре и считал, что в мире существуют всего две страны – Турция и Китай. Он был не образован и не особенно вежлив. Иногда он называл базар рынком и изо всех сил пытался скрыть тот факт, что начало своего состояния положил обыкновенной челночной торговлей на знаменитом одесском 7 километре.

Заработав кое-какие деньги в начале девяностых годов (когда все в бизнесе было поделено между толчком и бандитами), он каким-то образом (как именно – я не понимаю до сих пор) взял не совсем законные кредиты в крупных зарубежных банках и стал одним из первых «новых русских» девяностых годов, уже купивших недвижимость в Барселоне и на Кипре. И (если мне не изменяет память) еще где-то за рубежом (я, впрочем, никогда не сомневалась, что в его любимом Стамбуле). Впрочем, я не буду вдаваться в экономические тонкости его денежного расцвета – моя история не о начале рыночной экономики, а все-таки о любви...

Будучи одним из самых крупных и влиятельных людей в городе, он ходил в старом, вытертом костюме еще советского пошива, с потертым дипломатом и часами фабрики «Заря». И плевал на всех, кому не нравился его внешний вид. Он всегда выглядел доброжелательным, милым простофилей, этаким дурачком из народных сказок. Он внушал доверие всем и был

необыкновенно улыбчив. Каждый встречный прохожий на центральных улицах нашего города, кто видел его квадратный, мужественный подбородок, наивные глазки и симпатичную розовую плешь, ассоциировал его с образом бывшего советского служащего, учителя или преподавателя. И если бы кого-то из людей, остановленных на улице, спросили, на какой машине может он ездить, то все без сомнения указали бы, что мечтой и высшим достижением такого человека могут стать только «жигули-копейка» где-то 85–86 года выпуска.

Он абсолютно не заботился о своем внешнем виде потому, что коллекционировал дорогие, совершенно непостижимые вещи. Он собирал деньги, а заодно – бары и рестораны в центре города. И еще магазины. Никто не знал, что этот маленький, плешивый человечек среднего возраста контролирует центральную часть города так, что с визитами вежливости к нему приезжают не только все остальные авторитеты, рангом поменьше, но и президент со своими министрами. Его состояние, разбросанное в нескольких тайных местах, являлось одним из самых крупных состояний страны – разумеется, за ее пределами. Он скупал кафе и рестораны просто так – потому, что дома готовить было некому, и сидеть одному в пустой, темной квартире было совершенно невозможно, особенно по вечерам.

Однажды он присмотрел небольшое кафе, расположенное на пересечении двух центральных улиц. Взяв своего «друга» (в бизнесе не существует друзей, но об этом я узнала только потом), так же, как он, умевшего удачно косить под бродягу, он отправился в этот бар в своем самом потертом костюме. Сев за столик, приятели – «бродяги» сделали дорогой шикарный заказ. На столе появилось всё: начиная от французского шампанского, заканчивая устрицами и лангустами.

Через два часа, после того, как все было выпито и съедено, официантка, молоденькая 17-летняя девочка подошла к ним и спросила, собираются ли они расплачиваться. Мой кошмар весело осклабился в своей самой очаровательной улыбке и сказал, что расплачиваться они не могут потому, что денег у них нет. Девочка вежливо улыбнулась шутке, похлопала накрашенными ресницами и положила на стол бланк счета. Сдвинув счет двумя пальчиками (единственным, что показывало его истинную значимость, были презрительные, надменные, чересчур высокомерные для рядового гражданина жесты), он прекратил улыбаться и на полном серьезе сказал девочке, что расплачиваться никто не собирается потому, что денег у него действительно нет. И дабы никто в этом не усомнился, в доказательство вывернул все свои потертые карманы. С девочкой случился припадок. Изменившись в лице заикаясь и дергаясь, бедная официантка затрусилась к старшему менеджеру – администратору. Пришел администратор, симпатичный мужчина лет 30-ти.

– Что здесь происходит?

Мой кошмар вольготно развалился в кресле:

– А ничего. Мы расплатиться не можем, потому, что денег у нас нету.

Администратор стал заикаться:

– Да вы... да ты... чего... охрану... милицию... а ну показывайте чем будете расплачиваться....

– Ничего нет. Из области мы Кацапетовские. Приехали вот в ваш город и не рассчитали. Часы, правда есть. Хорошие. Мне их в колхозе на юбилей подарили.

Официантка позвала охрану. Пришли два охранника, бывшие менты. Дубинки наголо, зубы в бойцовом оскале. Мой кошмар даже не дрогнул.

– А взять у меня нечего. Хоть измолотите, все равно взять нечего. В гостинице остановился, возле вокзала. В гостинице осталось десять гривен.

Официантка предложила вызвать настоящую милицию, но на нее злобно фыркнули: милицию никто не хотел. Друг покатывался от хохота. Устав смеяться и придуриваться, мой кошмар сказал:

– Вот что, ребята. Пошутили – и будет. Вызывайте мне вашего хозяина.

– А хозяина нет, – сказал администратор, – у нас новый хозяин. Мы сами еще его не знаем.

– А вот это уже понятно. Я и есть ваш хозяин.

И выложил на стол из карманов (брюк, тех, которые не выворачивал) подтверждающие все эти его слова бумаги. Когда документы вернулись на стол, пройдясь по рукам и ситуация стала ясной, мой герой поднялся во весь свой рост (165 см) и сказал:

– Так что, как видите, я ваш хозяин. А вы все, без исключения, уволены. Уволены потому, что я так хочу.

А больше ничего не сказал. Из ресторана навсегда исчезли администратор, два охранника – бывший мента и обслуживающая его в тот вечер девочка-официантка.

Это был только один случай. Каждая подобная история в его жизни была исключительна в своем роде. Так многолик, неповторим и разнообразен был мой кошмар.

Так, как мой кошмар, никто и никогда мне в жизни не улыбался. Он улыбался – и по этой улыбке невозможно было определить, казнит ли он тебя или оставит в живых. Он всегда улыбался перед тем, как сказать какую-то неповторимую гадость или сделать подлость. И, умея растоптать любого, делал это с успехом и всегда держал себя после этого так, как будто был беспрекословно прав. А прав он был потому, что в заграничных банках у него были большие деньги. Только об этом никто не знал.

С каждым годом, внимательно рассматривая все увеличивающуюся цифру в своем паспорте, он подбирал себе все более молоденьких партнерш. Он называл их исключительно партнершами, но девочки об этом не знали. Когда мы встретились, ему было 39, мне-20. И я казалась ему слишком ранней. Чтобы не пачкаться о кремы, помаду, пудру и всякие женские штучки, он всегда одевал на свидания самую старую порванную рубашку. У него был по этому поводу пунктик. Он считал, что чем хуже ты выглядишь на свидании, тем больше вероятность того, что партнерша не догадается, сколько у тебя денег. И потом, зачем одевать рубашку, если все равно ее придется снимать?

Мы встречались всегда по одному и тому же сценарию. На своем роскошном мерседесе он подъезжал, когда полностью стемнеет, к моему дому. Я выходила и садилась в машину. Мы ехали на квартиру, которую он совсем недавно купил. Квартира была полностью разбита. Без ремонта, разбитая и страшная. Сантехника вся старая, а мебели почти нет. Вдобавок – низкие потолки, маленькие окна и одна комната темная. Он купил эту квартиру потому, что она была очень дешевая. И еще потому, что ему было абсолютно все равно, где жить.

Мы заходили в комнату, которая именовалась гостиной потому, что в ней стояли старый советский черно-белый телевизор и жесткий, с потертой спинкой, диван, на котором он спал. В спальне (другой комнате) кроме стула вообще ничего не было. На подоконнике гостиной лежал второй его мобильный телефон. Первый был в машине. А третий он вечно носил с собой. Мы заходили в комнату, он плотно закрывал за собой дверь и включал телевизор. Потом начинал раздеваться.

Я не знаю, зачем он включал телевизор, если в квартире больше никого не было, кроме нас, но очень долго после этого я не воспринимала секс под синхронный текст телевизионного видеоряда. Аллергия на секс под громкость включенного телевизора сохранилась у меня до сих пор. Что может быть в жизни хуже? Особенно, если показывают какую-то дебильную рекламу! Моя лучшая подруга (она не замужем, ей 30 лет) говорит, что мужчинам надо прощать их маленькие слабости и сохранять спокойствие даже в том случае, если встречаешь собственного любовника в компании четырех самых высокооплачиваемых стриптизерш. Не знаю, сколько здесь правды. Но я могу дать мужчинам маленький приятный совет. Если вам до безумия надоела женщина и вы хотите от нее избавиться, то обязательно включите телевизор и начните заниматься с ней сексом. Очень даже помогает. Через некоторое время эта женщина не захочет видеть вас – больше никогда.

Так вот – он включал телевизор и начинал раздеваться. Он делал это медленно и педантично – так, будто собирался относить грязные вещи в прачечную. Он вынимал из карманов носовые платки, медленно снимал галстук. Потом пиджак рубашку – все это гладенько и аккуратно складывая на полу. Я не знаю, что думают мужчины по поводу своей сексуальной привлекательности в носках и трусах, но я точно знаю, что думают женщины по этому поводу.

И если б хотя бы один мужчина на земле мог подслушать мысли своей любовницы или жены, дефилируя перед ней в порванных носках и китайских трусах, то этим двум туалетным принадлежностям могло бы грозить вечное исчезновение из обихода. Так вот: дефилируя передо мной в дешевых порванных носках и трусах он начинал разговаривать по телефону – потому, что кто-то обязательно должен был позвонить в этот момент. Он бросал на ходу:

– Подожди совсем забыл – и начинал расхаживать по комнате, что-то рассказывая. Я тихо наблюдала, ловя каждое слово.

Потом он одевался так же, как и раздевался – методично и плавно. И на своем мерседесе отвозил меня домой. После чего бегло прикоснулся губами и говорил:

– Созвонимся, пока.

Это означало, что я должна его ждать. Всегда.

Был всего лишь крошечный эпизод, в самом начале – как сцена из фильма. Одно действие – один эпизод. Собственно, никакого действия здесь не было, только слова. Все происходило, как обычно. Только почему-то именно это осталось в моей памяти – в отличие от всех прочих слов...

Наше свидание было завершено. Он был уже полностью одет, но, прежде чем отвезти меня домой, сел на диван, стал кому-то звонить, не дозвонился... Затем принялся разглагольствовать.

Говорить он любил так же, как любил деньги. В процессе длинных тирад лицо его принимало такое одухотворенное выражение, что просто нельзя было поверить в то, что этот человек умеет лгать. Он «становился в позу», возводил очи горе и принимался излагать нечто – что, как правило, чаще всего слушал он сам.

Но в тот раз его слова отчетливо запечатлелись в моей памяти, и, как выяснилось, сохранились надолго. Я отчетливо запомнила эту сцену. И потом не раз возвращалась в своей памяти, пытаюсь понять, хоть как-то проанализировать странную личность этого человека.

Так вот: он не дозвонился кому-то, бросил на диван телефон. Потом посмотрел на меня (искоса, как будто исподтишка – неприятный такой взгляд), и сказал:

– Я могущественный человек. Ты даже не представляешь себе, насколько. Я могу сделать все, что хочу, потому, что умею обращаться с людьми. Я умею ими манипулировать. Я могу заставить человека сделать то, что я от него хочу. У меня есть один из главных символов убеждения – деньги. Конечно, одних денег недостаточно. Но есть и другие способы. Я очень могущественный человек – потому, что я умею диктовать свою власть другим. Я могу уничтожить любого. Могу разрушить город, и заново его построить. В последнее время я все чаще и чаще задумываюсь о том, чтобы пойти в политику. У меня уже есть предложения. На самом деле, у меня есть все возможности для того. Чтобы стать блестящим политиком. Во-первых, я подлец. Во-вторых, люди для меня – ничто. Ради моих интересов, или просто так, от нечего делать, я могу переступить через любого. Но в то же время я умею прикрываться всякими высокими словами – о нации, патриотизме, и т. д. Я умею сделать так, чтобы мои слова звучали красиво, и им поверили. И, наконец, третье: а третье это то, что в политике действуют абсолютно те законы, что хорошо работают в бизнесе. Говорить надо то, что можно продать быстро и выгодно, причем каждый день на этот товар – другая цена. Говорить в политике нужно только то, что можно хорошо продать. Это как залежалый товар на складе, который никто не хочет брать, а ты под шумок скидываешь его приехавшему из глухой провинции оптовику, причем по самым высоким розничным ценам. Я начал свой бизнес не честным путем, я уже привык к

этому. Честно я работал бы на одну зарплату в какой-нибудь захолустной конторе. Моя душа требует больших масштабов. Нет, я все чаще и чаще начинаю задумываться о том, чтобы идти в политику.

Внутри себя я не могла не согласиться с ним. Он был абсолютно прав – я сразу это почувствовала. Я уже догадывалась о том, как умеет этот человек лгать. Он лгал бы так вдохновенно, что ему сразу бы поверили толпы. Он стал бы еще настоящим героем нации!

Но внешне я никак не хотела проявлять своих чувств, поэтому спросила:

– Ты и через меня сможешь переступить, если потребуется?

– Ну зачем ты все воспринимаешь на свой счет?

– Значит, все-таки переступишь? С легкостью?

– Ну почему же – с легкостью. Может, я буду переживать!

– Все понятно...

– Да ничего тебе не понятно! Ты в полной безопасности, пока представляешь для меня интерес.

– В безопасности?

– Не цепляйся к словам! Я хотел сказать совершенно не то! Я имел в виду, что... А, ты совсем меня запутала! Умеешь ты это сделать! Какой у тебя все-таки сложный характер! Тебе нужно всерьез задуматься о своем поганом характере, чтобы от этого не страдали твои отношения с мужчинами!

Я подумала – «тебе тоже», но вслух этого не сказала. Внезапно весь этот разговор потерял для меня интерес. Наверное, потому, что был слишком для меня мерзок. Я по-настоящему испугалась взглянуть в ту пропасть, которая вдруг, совершенно случайно, приоткрылась мне в его душе.

Теперь я жалею об этом. Может, если бы я не струсилась тогда, все бы случилось иначе. Но я струсилась. Я не стала задумываться о том, что услышала. Я не стала думать об этом... И он отвез меня домой. Но эти слова все же остались в моей памяти. Я не раз вспоминала о них...

Мой кошмар ненавидел женщин. Ненавидел – но использовал. На все лады. Очень скоро я поняла, что не смогу без него жить. Он стал моим кошмаром, моей болезнью и наваждением. Я думала о нем постоянно. И не находила ничего, что в нем можно любить. Я говорила себе, что презирала, презираю и всегда буду презирать подобный тип людей, что в нем нет ни одной черты, которую пусть даже с натяжкой можно назвать светлой.

Я говорила себе, что этот человек некрасив, необразован, груб, некультурен, каждое наше свидание превращается в мои растроченные понапрасну возможности и больные нервы, что я не интересую его потому, что ни одна женщина в мире не способна его заинтересовать – и думала, думала, думала о нем двадцать четыре часа в сутки. Постепенно (сам того не зная) он стал наваждением. Моим кошмаром.

Я просыпалась по ночам, и, ворочаясь в постели (одна) представляла его лицо. Я видела его так явно, будто он всегда находился со мной рядом. Я убеждала себя, что в этом лице нечего любить – и именно это твердое убеждение рассказывало яснее любых слов о том, что с ним, и только с этим человеком я могу быть счастлива.

Боль, смешанная с ненавистью и необходимостью (так наркоман чувствует ежедневную потребность в наркотике) давала гремучую смесь, и я взрывалась на этих ядовитых отходах – для того, чтобы полететь к небесам и сказать себе, что мы никогда, ну совсем никогда, не будем с ним вместе.

Я не знаю, была ли в нем хоть одна черта характера, за которую следовало его любить. Только за один месяц этот грубый и жестокий человек стал моим миром. Мне было необходимо не столько видеть его, сколько о нем думать. В целом городе не было ни одной улицы, которая не напоминала бы мне о нем.

Чем больше увеличивалась цифра в его паспорте, тем больше его тянуло на молоденьких девочек. Он доказывал свою полноценность, спекулируя на пристрастии к фальшивой молодости и красоте. Все встречающиеся с ним девочки (а я видела практически всех) были лишь суррогатом, способным сохранить свою привлекательность еще несколько лет. Подобные девочки всегда мечтали выйти замуж. А, выйдя замуж, заплывали жиром и превращались в раскормленных пудовых бабищ с отвислыми грудями и жирными животами. Люди сорта моего кошмара не умеют понимать простой истины. Красоту надо искать не в теле, а в глазах. Тело стройной самочки только пару лет сохраняет свою привлекательность. Красота существует в глазах – потому, что только там горит огонек, способный украсить женскую сущность.

Огонек подгоняет вперед, не давая состариться. Женщина с огнем и в сорок лет будет в сто раз привлекательнее любой семнадцатилетней девчонки. Но мой кошмар это не понимал. Он любил сопливое сюсюканье и кривлянье. Оно его развлекало.

Я не сюсюкала и не кривлялась – и поэтому стала его пугать. Я не требовала денег, не называла ласкательными именами, не висла на шее, не рассказывала про тряпки или подруг. Не заискивала, чтобы меня повезли на концерт заезжей звезды, и не складывала по команде лапки. Он не понимал, кто я такая и с чем меня есть. Он понимал только главное – для меня он не был ни повелителем, ни Богом.

Могу привести маленький пример. Концерт заезжей знаменитости, на который билеты стоят баснословную цену. Стоило ему заикнуться о концерте любой девчонке, как он вырастал в собственных глазах. Девчонка пускала слюнявые пузыри, изумленно хлопала накрашенными ресницами и по стандартному деревенскому обряду тащила с собой фотоаппарат, чтобы запечатлеть запомнившиеся звездные кадры. При чем всю дорогу восхищалась. Значит, в глазах ее он был Бог.

Но меня пригласить он не мог. Пользуясь служебным положением, я сама ходила на все концерты, при чем со стороны кулис. Имела право плевать в заезжих звезд сколько хочу, смеяться и называть жалкой пьяню, потому, что в своем маленьком журналистском мирке тоже являлась звездой. Я знала о звездах то, что не знал никто, и это знание вызывало во мне презрение и жалость. Конечно же, я не стала бы пускать слюнявые пузыри. Но мой кошмар не знал, что на концертах работают. А потому закулисная сторона шоу-бизнеса была для него китайской грамотой. И ничего, кроме раздражения, не могло вызвать мое знание. И я сама.

Почему я вспомнила концерт заезжей звезды? Это было последним свиданием с моим кошмаром. Я работала на съемках большой закулисной передачи. Так, как сняла бы эту передачу я, никто не смог бы снять. А потому я адски работала с трех часов дня до четырех часов ночи. Концерты – всегда праздник, но только для тех, кто сидит в зале. Для всех остальных (со стороны кулис) это напряженная, тяжелая работа. Тяжелая настолько, что посторонний, не связанный с телевидением человек всей тяжести даже не сможет понять.

Собственно, если уж говорить откровенно и прямо, тот концерт разбил всю мою жизнь. За мгновение рухнул весь мой мир, и я потеряла всё. Рухнули, разбились и погребли меня под собственной тяжестью все мои детские мечты о том, что я закончу со своей разъезжей цыганской жизнью, бурной и чересчур яркой, мечты о тихом семейном счастье и доме, о муже, которому стану готовить обед и вечером ждать. Все мои мечты, вся моя надежда, все это – жалкое, оборванное рухнуло и потащило меня за собой и, потеряв в жизни почти все, я осталась стоять.

Просто молча стоять, еще не в силах осознать полностью убившую меня тяжесть. В реве тусовочной концертной толпы и алкогольном запахе закулисы рухнула счастливая семейная жизнь и уютный дом, и осталась лишь дешевая яркая слава известной местной журналистки, мельканье красок и лиц, обрывки и нагромождения чужих голосов, бешенная, пьяная страсть и последняя, уносящая меня в ночи извилистая дорога. На чужой машине, на повышенной скорости, одинокая стремительная дорога посреди ночи – из ниоткуда, в никуда. Не дождавшись

окончания концерта (все возможное мы уже сняли), я бросила съемочную группу, в два часа ночи уселась за руль и унеслась в никуда, ослепшая и глухая.

И только в машине, когда все осталось позади, и все было уже закончено, я поймала себя на мысли, что не могу плакать... Слишком много сил ушло на то, чтобы удержаться в зале концерта, посреди камер и чужих людей. Заплакать я не могла. Это было самым страшным.

В тот вечер на концерте самая сияющая и ослепительная улыбка была на моих губах. Я улыбалась, а окружающие смотрели на меня, и никто не знал, что моя жизнь разбилась.

Каждого человека Бог награждает своей судьбой. Для одних счастьем становится свадьба и мещанская семейная жизнь без событий. Для других дорога является предначертанным счастьем. Моя ночная дорога открыла мне огромное множество различных других дорог. Но ни одна из них не являлась такой отчаянной и горькой.

Собственно, это и было полным окончанием всех отношений с моим кошмаром, окончанием боли, которая без прекращения длилась целых два года. Та ночь заставила меня понять простую истину: этот город слишком тесен для нас двоих. Но об этом – позже. Ночная дорога унесла меня так далеко, что дальше и не бывает. Но это произошло только потом, в конце. Тогда я ничего подобного еще не могла знать.

Самое первое, что приходит мне в голову, когда я начинаю вспоминать историю отношений с моим кошмаром – это вечера. Мои вечера... Мне стоит только чуточку вспомнить мои вечера, как сердце окутывает долгой, пронзительной и горькой тоской. Кислая на вкус, ощущения и запах, моя боль возникает ниоткуда – при взгляде на замолкнувший телефон, на любую из ночных улиц. Огромный пласт моей жизни, пласт, состоящий из нескольких долгих лет.

Ждать два года, ждать в темноте – мне казалось, что я никогда не буду на это способна, ведь в число моих добродетелей не входит терпение, но... Но я почти два года ждала звонка в сплошной темноте, для того, чтобы узнать – как это долго и как много. Мне кажется, по всем божественным и человеческим законам особенно строго должно караться презрение к любви.

Я ждала каждый вечер – уходя из дома и возвращаясь домой. Ждала единственного звонка телефона, молчавшего целыми днями. Днем – надеялась и мечтала, вечером – ждала. В то, что рано или поздно я буду с ним, я почему-то верила твердо. Работа, развлечения, друзья – для меня все отступало на второй план. Ему стоило щелкнуть пальцами, и я готова была выполнить любое его повеление. Потребуй он, и я перевернула бы земной шар! Но он не требовал и никогда мне не предлагал – ничего. Даже элементарно – в кафе мороженое. Потому, что он никогда не приглашал меня в кафе. Только один – единственный раз – в первый вечер нашего знакомства...

Я поняла очень скоро, что этот человек не нуждается в любви. Поняла не из его слов и не на основе собственных наблюдений. Просто это было настолько явно, что не требовалось дополнительных комментариев. В своей жизни он любил только одну вещь. Деньги. Некоторые люди панически боятся высоты или темноты. Некоторые – до безумия боятся застрять в лифте. Существуют различные фобии – даже страх птиц или поездов. Точно так же он панически боялся потерять свои деньги. Иногда мне казалось: стоит ликвидировать все его банковские счета, и он растворится в воздухе, съжится до минимума, как надувная кукла, из которой выпустили весь воздух. Он был создан не из плоти и крови, как все люди, а из крупных банкнот. Деньги не являлись для него достижением цели, точно так же, как не являлись самой целью. Деньги были смыслом его жизни и единственным, что составляло его жизнь. Этот грубый и жестокий человек относился к денежным банкнотам с такой невообразимой, потрясающей душу нежностью, что просто становилось страшно! Прежде чем расплатиться в магазине или по счету, он сжимал очень долго в руке любую банкноту, ласково, трепетно и нежно поглаживая, словно женскую грудь, и казалось, что эту бумажку он в любой момент поцелует! И истерически расплачется, как только ее отдаст. У него становилось такое выражение лица, что

продавцу просто совестно было брать его деньги. Глядя на его глаза в тот момент, казалось невероятным, что этот человек совсем не умеет любить.

Впрочем, отсутствие любви к земным людям он совершенно не считал каким-то физическим недостатком. Наоборот, он считал себя полностью полноценным потому, что был не способен испытывать такую любовь! Любовь могла пробить брешь в его броне. Такая страшная слабость – и вдруг пришлось бы отдать деньги. А этого он бы уже не смог пережить.

Он никогда не делал подарки женщинам, с которыми спал. Он жалел потратить деньги на новый костюм, плевал на то, что он ест, где спит и как отдыхает, а между тем в потаенных глубинах внутри его существа присутствовала колоссальная, сжигающая душу страсть. Страсть, испепеляющая последние остатки сознания. И он был страстен, добавляя в свою коллекцию очередной нуль, он был страстен, как никто и никогда, когда один из банковских счетов увеличивался хотя бы немного. Для этого он гробил себя на работе.

Он приезжал в свой офис часам к девяти (он позволял себе утром немного поспать это было единственным, что он себе позволял – иначе он просто ночевал бы на работе) и уезжал обратно часам к двенадцати ночи. Если у него было назначено свидание, он отводил на встречу с женщиной ровно один час, иногда – даже полчаса. После этого он возвращался на работу и засиживался там допоздна. Это было единственным, что имело реально ощутимый смысл в его мире.

Сначала я не разглядела его безумную, патологическую страсть к деньгам. Я просто приняла ее за увлеченность своим собственным делом. Именно поэтому принялась его уважать. Мне казалось, что он – личность, притом с большой буквы. За два года наших отношений я все отчетливо поняла. Но истинное понимание никак не повлияло на мои чувства. Да, его можно было назвать личностью и даже уважать потому, что в нашем мире, в нашем городе и обществе ценилась именно такая напористая, нахрапистая тупость, берущая всё наскоком собственного примитивного хамства и самодовольства. Его уважали потому, что он был хитрее, сильнее, изворотливее и обороноспособнее всех остальных зверей. Но как же мелко все это было... как пошло. Уважение, похожее на породистую собаку, выброшенную на улицу, и оттого покрытую лишаем. Ершится, делает вид, что живет, но глаза – плачут. И душа плачет тоже.

Моя жизнь, похожая на пестрое одеяло из лоскутков, всегда переворачивалась самым невообразимым образом. В моей жизни случались любые неожиданности и такие вещи, от которых поблек бы от зависти любой приключенческий роман. Именно так я его и встретила – однажды.

Я еще не знала, что это моя судьба, а тем более – мой кошмар. Я не знала, что через всю жизнь мне будет суждено пронести с собой образ этого человека. У меня была близкая подруга, с которой мы гуляли по вечерам. Вместе с ней мы придумали игру. Считать владельцев роскошных иномарок, провожающих нас глазами. Мы обе – я и она, в совершенстве умели вести такую игру. Мы сами подбирали себе мужчин, развлекались, потом выбрасывали. Я относилась к сексу легко – как к выпитому стакану освежающе холодной воды. Всю ночь прозанимавшись с кем-то бешеной, бесшабашной любовью, на утро я не могла вспомнить имени этого человека. А встретив на улице через несколько дней – вообще не узнать. К тому же я не узнавала голоса по телефону. Многие обижались, но мне всегда было на это плевать. Моя подруга была единственным понимающим меня человеком.

Наша дружба была похожа на мужское сообщество интересов, а не на сплетни двух подруг. Да что долго рассуждать: наши отношения были похожи на настоящую мужскую дружбу. И я была счастлива от того, что в моей жизни есть такой замечательный человек. Наше духовное общение было настолько прекрасным, что в этом союзе все остальные являлись лишними. Вечерние прогулки вдвоем по залитому огнями городу я всегда буду вспоминать, как лучшие, неповторимые мгновения своей жизни. Я любила свою подругу и гордилась тем, что она у меня есть. Именно она стала единственной свидетельницей нашей встречи. Она была

единственным человеком, видевшим мой кошмар в лицо. Мой кошмар произвел на нее благоприятное впечатление (как и на всех). Он в совершенстве владел этим искусством – производить хорошее впечатление на всех. Он очень мило улыбался и делал вид, что совсем не кошмар.

Всё, все хранится в моей памяти – каждое мгновение и каждый звонок, каждая случайная встреча и каждая агрессивная фраза, всё рассортировано по полочкам, отложено в хранилище и ждет свой срок, чтобы возродиться к жизни новой болью. Ведь два года состоят из очень многих часов. Все остальное просто ерунда – по сравнению с какой-то мыслью, навязчиво и надсадно постоянно царапающей твою душу. Два года, просыпаясь по утрам, я задавала себе один и тот же вопрос: чего я жду? Задавала, никогда не находя нужного ответа. Разве это навязчивое что-то было тем, что следовало ждать? Я не видела ни любви, ни ласки, ни теплоты, ни участия. Каждый раз меня брали грубо и жестоко, просто как необходимую вещь. И этих двух лет было достаточно, чтобы навсегда разувериться в собственной женской привлекательности, но... Но – я была не такая, как все, и он тоже был не такой, и я узнала: такое отношение кроется не во мне, а в том, что это единственный способ любви, который ему доступен. Других способов любви он не понимал. Все было бы проще, если б не мысли, горько и больно царапающие меня ночью. От них я просыпалась и уже не могла спать.

Однажды мы гуляли с подругой по вечернему городу. Мы обсуждали квартирный вопрос. Не мой. Одной знакомой. Грозивший тем, что несчастная участница юридическо – нотариальных споров могла потерять жилплощадь. Впрочем, у нашей героини был выход. Бабушка этой знакомой могла прописать ее в своей квартире. Оставалось только уговорить бабушку. Именно это я и пыталась вдолбить в готовую слушать меня голову. Было семь часов вечера. Был конец апреля.

Я ничего не заметила. Как рассказывала позже моя подруга, с середины центральной улицы она обратила внимание, что следом за нами все время идет какой-то мужчина в потрепанном, старом костюме. Так как я усиленно размахивала сумочкой в азарте беседы, а мужчина выглядел более чем скромно, она решила, что он собирается вытащить из моей сумочки деньги. И стала следить. Но на сумочку он не смотрел. Когда он прошел за нами второй квартал, потом третий, она сообразила, что дело тут не в сумочке. Скорей всего, решил снять кого-то из нас на вечер. И принялась усердно долбить меня в бок локтем. А я не поняла, какого черта она колотит меня локтем в бок. Погруженная в юридические тонкости, я не обращала внимания на окружающих. Где-то на середине очередной статьи гражданского кодекса я все – таки заметила его. Я увидела, что следом за нами идет мужчина средних лет невысокого роста, плохо одетый, но с уверенным, даже наглым лицом. Я отмахнулась от него, как от назойливой мухи, и спокойно пошла дальше.

Я отдала бы все, чтобы вернуть тот момент. Хотя бы на мгновение, почти не различимое в вечности. Я бежала бы от него, как от черной чумы. Но мы не знаем, когда сталкиваемся лицом к лицу со своей судьбой. Мы, люди, наивно полагаем, что именно мы делаем выбор...

А в городе всюду бушевала бесплатная дискотека возле мэрии, и близкие сумерки тонули в феерии танца, света и звука. Это был безумный, чарующий карнавал, заставляющий сильнее биться твою кровь. И, растворяясь в оглушительных потоках уносящего тебя звука сквозь мелькающие тени лазера на твоём лице, позволять во весь опор мчаться за такой далекой и близкой жизнью, в огромном месиве страсти, танца, света и особенной тоски, которая гораздо экзальтированнее, ярче и больше похожа на бешенную, кипящую страсть и теплые, почти летние ночи... Вокруг бушевала феерия, весенняя сиеста молодости и счастья, и с головой погружаясь в бурлящий водоворот карнавала, мы отдавались уносящему нас ночному ветру... Любая дискотека немножко похожа на карнавал. А народные гуляния особенно в будний день – бешенный праздник, несмотря на пьяную удаль... Мне было хорошо. Я обожаю бешенные, яркие ночи, когда жизнь кипит и рвется вокруг.

Давным – давно нет бесплатных дискотек возле мэрии. Давным – давно нет апреля. Отзвучал карнавал, отплясала фиеста и заваленная горами мусора праздничная площадь готовится к новому дню. Яркие одеяния клоунов похожи на жалкие, разлезшиеся от дождя лохматые маски... Но стоит закрыть глаза, и где-то в глубине, в крови живет стремительный, бурный поток моей страсти... Той, которую может подарить только южная ночь.

Мы вынырнули из волн громкого звука и пошли дальше по запруженным людьми, ярко освещенным аллеям. Остановились, глядя на какой-то красивый пейзаж. Разговор наш касался все тех же проблем. Разумеется, жилищных, моей знакомой. Впереди я увидела того самого человека. Глядя на меня, он улыбнулся и сказал:

– Может, я могу вам помочь?

Разглядев его лицо в ярком электрическом свете, он показался мне крайне не симпатичным, а кроме того, меня покорила наглость, с которой он вмешался в наш разговор. У него было широкое лицо с квадратным, чересчур уверенным в себе подбородком, хитрющие светлые глаза и массивная челюсть, умевшая доброжелательно улыбаться, но со второго же взгляда на нее становилось ясно, что, улыбаясь, он лжет. Его светлые глаза шарили по моей фигуре как наглые, липучие мухи и я рассердилась:

– А вам не кажется, что это хамство – подслушивать чужой разговор?

Он осклабился, и внезапно это показалось вульгарным:

– Вот знаете, чего не хватает нашим людям, так это общения. За границей люди общаются совершенно нормально...

Я вскипела:

– Вот поезжайте за границу и там вмешивайтесь в чужой разговор!

– Да не сердитесь! Просто увидел, что вы волнуетесь. Хотите, я вам куплю квартиру?

– Лучше сначала купите себе новый костюм!

– Ну, это совсем разные вещи! – он засмеялся. Вмешалась моя подруга:

– Зачем же так резко обрывать человека... Можно и пообщаться...

По его лицу было видно, что подругу мою он не видит в упор, что он твердо решил познакомиться именно со мной в этот вечер, и не существует силы, которая могла бы ему помешать. Было видно, что передо мной стоит человек, привыкший твердо идти к своей цели. И, игнорируя любые обстоятельства, всегда добиваться своего. Так, пропуская слова моей подруги мимо ушей, он сказал:

– Знаете, а я наблюдаю за вами уже около года. Я вас часто видел и очень хорошо запомнил. Все хотел познакомиться, только не получалось. Вот, выдался свободный вечер. Может быть, познакомимся сейчас?

Не понятно, почему, но я решила сменить гнев на милость. И между нами завязался разговор. Это был простой разговор, обычный в таких случаях. Он сказал, что занимается бизнесом, и я внимательно слушала, вглядываясь в его лицо. Потом спросила:

– А давайте спросим вашу жену, как она относится к такому проведению вашего свободного вечера?

– Правильный вопрос! Все ждал, когда, наконец, вы его зададите. А я не женат. Знаете, я и не был женат. Старый холостяк – кажется, это называется именно так. Но я хотел бы жениться, иметь семью...

– В таком возрасте – и не был женат? – вмешалась подруга, – странно!

– Ну почему же сразу – странно. Я занимался делами, бизнесом. Не было времени, да никого подходящего и не встречал.

После этого, не понятно, к чему, он вдруг во всех подробностях поведал, что собирается купить виллу на Кипре, что будет обеспечивать свою семью, что его жена будет иметь очень много денег... У моей подруги загорелись глаза, а я не обратила на весь поток его слов ни малейшего внимания. Мне показалось сразу же, что он врал. Набивал себе цену.

- Может, зайдём в кафе, посидим? – в завершение предложил он.
- Как скажет Лена! – отреагировала подруга.
- А вы всегда делаете так, как скажет Лена? – его глаза впились в меня.
- Почти!
- Значит, вы Лена?
- Да, – ответила я.
- А меня зовут Леонид. Наши имена похожи.
- Ничего подобного! Лена – это Елена. Ничего общего!
- Жаль. А мне хотелось, чтобы у нас с вами общим было всё.

Я усмехнулась. Начало было многообещающим. Но я никогда не верила в начало.

И мы пошли в ближайший бар. Имя моей подруги он не спросил.

В баре он предложил коньяк, шампанское, мороженое. Я заказала очень дорогое мороженое, исключительно для того, чтобы посмотреть на его реакцию. Он отреагировал нормально – на мой дорогостоящий заказ. Все время, которое мы провели там, я внимательно его слушала, не произнося лишних слов. Оказалось, что он совсем «не любит» поговорить. Он болтал без умолку и рассуждал на отвлеченные материи, но при всем этом не терял над собой жесткий контроль. Он ни разу не сказал о том, чем занимается на самом деле, а я слушала внимательно, смотрела на его внешний вид и думала, что он все врет. Хотя была одна черта, говорящая о том, что он действительно занимается бизнесом (возможно, даже торговлей) – его откровенная, ничем не прикрытая наглость. Он был нахален, как черт. Меня забавляло это приключение, забавлял вечер в баре и этот мужчина, под беззащитным видом которого пряталась железная хватка. И такое же безудержное, как его наглость, хвастовство.

Он все время хвастался – причем без разбору. Он хвастался тем, какой он умный и ловкий, своей работой и тем, что не только часто бывает в этом баре, но еще и дружит с хозяином и его сыном. Он три раза похвастался своей машиной. Но, судя по его внешнему виду, я решила, что это потрепанные жигули. Он демонстрировал всем своим внешним видом, что его интересую именно я. По этой нагловатой демонстрации я скорее не поняла, а почувствовала, что он бизнесмен по состоянию души. Но тогда, в тот момент, мне в голову не могло прийти, кто он такой. Я видела перед собой уверенного мужчину средних лет, который хвастался своими скромными успехами и старой машиной. Но в то же время было в нем что-то невероятно притягивающее... Что-то такое... И почему-то мне вдруг до бесконечности захотелось смотреть, просто смотреть – в его глаза.

Сквозь летнюю веранду виднелось море, похожее на огромный, отшлифованный драгоценный камень. Переливаясь в тысячах окружающих огней, все очарование этого вечера искрилось в бокалах с вином (которое он все – таки заказал), отражаясь в чужих зрачках и я ловила блестящие отблески словно в своих ладонях. Давно начало темнеть. В порту зажигались яркие ночные огни.

В дорогом баре мы были похожи на двух шлюх, снимающих крупного клиента, но никогда в жизни мне не казалось настолько очаровательной моя собственная порочность. Скорей всего – это было иллюзией, и я вела себя прилично и скованно. Но мне хотелось порочности, хотя бы внешней. Он был так привычен в атмосфере ночного бара, словно мокрое алкогольное пятно, расплывшееся на столике. Этот мир, это окружение было его атмосферой, и, попав в привычные воды, он на глазах омолаживался и расцветал.

Разглаживались морщины, в глазах зажигались огоньки, и без труда можно было представить этого человека, проводящего подобным образом все свои ночи. Я вдруг поняла, что он действительно часто приходит в этот бар. Но, как ни странно, меня еще больше взволновала эта его порочность, и всей силой моего существа мне вдруг страстно захотелось стать частью его мира, хотя бы только на мгновение, короткое мгновение быстрых, навсегда ускользающих в вечность секунд.

Все было гораздо проще, чем любые выводы, следствия и психологические заключения. Он просто меня волновал. Меня безмерно волновал и притягивал этот мужчина. Он возбуждал меня одним своим видом. Он улыбался мне только уголками своих губ, а я уже чувствовала, как дыхание мое замирает и в предвкушении чего-то необыкновенного сладко ныл низ живота. Может, вино чересчур ударило в голову, может, в тот вечер я была просто без меры пьяна, но я чувствовала, что возбуждаю его тоже. Я твердо знала: этот человек будет моим любовником. Как бы там ни было. Несмотря ни на что.

Чтобы немного отвлечься, прийти в себя, я повернула голову к летней веранде и стала смотреть на море. Море – это путь домой. Долгий путь, где ярким скопищем всех моих еще не преодоленных дорог горели электрические отблески – отпечатки, уходя от меня и возвращаясь ко мне, чтобы снова уйти. Может быть в тот момент, сконцентрировав все свои способности предвидения, я сумела почувствовать то, что нас ждет – изумительно красивая любовь и долгая, очень долгая боль... И дорога в другую жизнь. Без него. Это было в моей жизни так часто, что не стоило брать в расчет. Сначала любовь, потом дорога. Но все это обещало быть особенным. Неповторимым и горьким, как застывший на губах лед. Если бы, встав из – за нашего столика, он позвал меня куда-то, я полетела бы за ним на край света, сломя голову.... Электрические огни ярко переливались в воде. Отвлекаясь от темы нашего разговора, я повторяла про себя одну фразу снова и снова... Море – это путь домой.

Я не понимала, сколько прошло времени. Словно зачарованная, не вспоминая ни о чем, я была в заколдованном, объемном кругу. Помню, что было очень темно, когда я очнулась и поняла, что следует собираться домой. А отрезвила меня мысль о том, что я не предупредила домашних, что ушла надолго. И поэтому они психуют, обзванивая все больницы города. Я посмотрела на часы. Было начало двенадцатого. Промежуток времени – довольно приличный (между встречей на улице и беседой в кафе). Я засуетилась, заерзала, принялась смотреть на часы, не зная, как прервать разговор и намекнуть о том, что меня ждут дома. Но мои намеки были поняты должным образом. Он обернулся:

– За последние десять минут ты посмотрела на часы несколько раз. Кто-то тебя ждет?

– Да. Дома волнуются родители.

– Родители? Или муж?

– У меня нет мужа. Кроме того, я боюсь возвращаться, когда темно.

– У меня машина рядом. Я тебя подвезу.

Я буркнула что-то невразумительное и мы поднялись. По дороге я задала какой-то совершенно невинный вопрос, но он резко оборвал меня:

– Как ты сказала?

Я удивилась:

– Я спросила, что вы думаете...

– Говори мне ты.

– Что?

– Я не хочу, чтобы ты держалась со мной официально. И называй меня Леной. Хорошо?

– Хорошо.

Дискотека возле мэрии была в самом разгаре. Везде гуляли разодетые пары. Весь город вывалил в центр, несмотря на будний день. Втроем (он в середине, мы сбоку) мы шли по центральной аллее. Он взял меня за руку и сказал:

– Выходи за меня замуж.

Я засмеялась. Он резко оборвал мой смех.

– Что смешного? Я серьезно. Выходи за меня замуж. Будешь жить в моей квартире. У меня хорошая квартира рядом, правда. И мне нужна красивая молодая жена. А ты красивая. Ты очень красивая, Лена...

В самом разгаре ночной толпы (я видела, как плясали на его лице бешенные, безумные тени) он крепко держал меня за руку.

– Ты слышишь? Ты выйдешь за меня замуж?

Я гордо вскинула голову:

– А вот возьму и выйду – прямо сейчас. И что ты будешь делать? Возьму и соглашусь – что тогда?

Он по –прежнему был серьезен:

– И прекрасно! Я буду рад! Ты станешь моей женой, и будешь жить у меня!

– А как ты себе это представляешь? Вот сейчас приду домой и скажу: мама, я выхожу замуж через три часа после знакомства. Познакомилась с мужчиной в городе и через три часа вышла за него замуж. По твоему, это нормально, да? Или всем своим девушкам ты в шутку делаешь предложение в первый же вечер? Между прочим, у нас с тобой даже не свидание, а так, просто случайная встреча.

Он обиделся:

– Я все говорил серьезно!

Я смеялась:

– Мои слова – тоже серьезно! Решено – я выхожу за тебя замуж! Подруга, ты будешь свидетельницей! Завтра свадьба.

Я еще не знала в тот вечер, чем платят за смех. Я смеялась легко потому, что еще могла смеяться. Я смеюсь до сих пор... Мне казалось: а почему бы нет? Вдруг действительно будет свадьба? И я – в красивом белом платье, среди цветов. И он – моя судьба, и все будет хорошо, и больше мы не расстанемся. Это было шутливое предложение, но я не знала, что над чувствами других людей тоже можно смеяться. Я не понимала, что можно цинично шутить над всем, и у меня пела душа.

Он держал меня за руку, а я наивно полагала, что этот человек может стать моим счастьем. Вокруг кипела сказочная феерия звука и света, и мне казалось: весь мир радуется жизни так, как в тот вечер радовалась жизни я. Я не хотела бы все это вернуть. Многие считают, что надежда спасает. Это неправда. Надежда убивает страшней и точнее ножа. Лучше – пустота. Отсутствие чувств боле надежно и гладко. В пустоте – все можно принять. Надежда искажает реальные вещи. Как с чудовищной силой два года искажала меня. Я жила два года с надеждой потому, что через три часа после знакомства он сделал мне предложение – в первый же вечер. Предложение, которое он не повторил больше ни разу. Никогда.

В самые первые моменты нашего знакомства я еще не могла разглядеть черты, из – за которых этот некрасивый и не молодой человек стал для меня дороже всех остальных мужчин мира. Я могла только предчувствовать, блуждая на уровне ощущений, ту непреодолимую и главную грань, за которой раскрывалась область неопознанных, почти не существующих впечатлений. Впечатлений о том, как сильно этот человек отличается от всех остальных.

Я любила эту грань, словно темную половину его скрытной, неповторимой души. Я любила то, что принято прятать. Я любила его за то, что он был плохой, выставляя напоказ подлость, хитрость, грубость, надменность и жестокость – единственные качества, благодаря которым можно выжить в этом мире и составить себе состояние. Я любила его за то, что все обнаженное в нем, без прикрас, было выставлено на поверхность жестокой, шокирующей правдой. Как никто другой, он умел выжить, работая для этого мозгами, зубами и когтями. Пробуждая все самое плохое и одновременно сильное в моей душе. Он научил меня истинной ценности любви в мире, в котором любовь ничего не стоит. Он научил меня бороться и быть сильной там, где тебя могут унижить или растоптать. Он научил истине о том, что отступление – путь к победе и сколько можно выиграть, вовремя отступив в тень.

Сильный и подлый, жестокий и хитрый, он был истинным творением своего времени. Он заставлял принимать мир таким, какой он есть. Он словно заявлял всей своей жизнью: «Мир, я

такой! Принимай меня таким или убирайся к черту!» И он не лгал, отличаясь от всех остальных людей демонстрацией силы и власти. Все плохое, бывшее на поверхности, всегда было с ним. И он как никто другой умел будить в людях жестокость. Составляя конкуренцию сильным, а более слабым используя для своих нужд. Он научил меня быть наглой и сильной, и, добившись своей цели, вовремя уходить в тень, чтобы никто не мог напасть. Он был единственным человеком, похожим на меня до мозга костей тем, что так же, как и я, пытался стремиться к успеху.

Успех представлялся для нас разным, но мы оба ставили его во главу угла. Я знала, что во мне ему импонирует моя мужская сила воли и стремительная настойчивость в достижении своей цели. Он был единственным человеком, которому я могла не лгать. Я могла не приукрашивать розовым ладаном не всегда благозвучные и благопристойные порывы моей души. Погружаясь в самые глубины откровенного и бесстыдного разврата, он учил меня быть смелой и брать от жизни все, что эта жизнь может мне дать. Мне не нужно было притворяться хорошей и я откровенно могла делать все, что захочу. Все, что мне будет угодно-точно зная, что моя импульсивность не вызовет осуждения.

Например, мое стремление к свободе, к материальной независимости, к форме одежды и умению водить машину, к тому, что я никогда не стремилась выйти за него замуж, никогда не говорила о том, что замужество – моя единственная жизненная цель. И еще это был единственный мужчина, который мог быть сильнее меня. Мужчина, с которым мне самой не нужно было быть сильной. Наверное, я любила его за то, что он меня не любил. Если б он был со мной нежен, внимателен и заботлив, подносил духи, конфеты и стихи, я смеялась бы над ним и отвергла эту недостойную меня, слащавую любовь с презрением. В нем не было ни слащавости, ни сентиментальности, ни покорности. И когда он причинял мне боль, я вопила от восторга и знала, что снова и снова к нему вернусь. Потому, что это был единственный мужчина, знавший о том, когда не нужно применить нежность. Наверное, мой двухлетний роман длился только потому, что на протяжении этих лет я не могла его добиться. Он умело порождает волнительные чувства крайности в моей душе. С ним я могла пойти до конца, и эта мысль опьяняла. Это был риск, которого в обыкновенной жизни я никогда не могла найти.

Кстати, что, что я могу пойти до конца, было тем, что я окончательно и твердо поняла в первый же вечер. Мы шли втроем по залитой ночными огнями, ослепительной улице. И я чувствовала, что медленно влюбляюсь в него. Так мы дошли до стоянки. И там я увидела его машину. Мы остановились возле огромного блестящего мерседеса представительского класса самой последней и дорогой модели. Я обалдела. Я не могла представить такую машину даже в фантастическом сне. Немного разбираясь в машинах, я поняла, что сияющее перед нами полированное чудо стоит целое состояние. Он сказал:

– Это моя машина.

Потом развернулся ко мне.

– Ты садись.

– А ты пойдешь пешком, – повернулся к моей подруге.

Я видела, как она краснеет от обиды. Я хотела сгладить бестактность его слов, но – не успела. Он почти толкнул меня внутрь. Я только крикнула ей вслед:

– Завтра тебе позвоню!

Он добавил с той же жестокостью:

– А я тебе не позвоню.

В тот год я работала журналисткой на одном из местных телевизионных каналов. Так как канал был достаточно маленький, я снимала практически все – от показов мод до информационных новостей. Криминальная хроника со всякими допустимыми страшилками типа маньяков, сатанистов на кладбищах и прочей, любимой народом, чернухи, не была исключением. Я часто сталкиваюсь с криминальными темами и знала все страшные случаи изнасилований и убийств, связанные с машинами, происходившие в этом городе. И вот зная все это, я

спокойно села в машину к незнакомому, абсолютно чужому мне человеку, три часа назад случайно встреченному на улице, села так, словно ждала этого всю свою жизнь. Даже не успев бегло взглянуть на номер. И тем более – его запомнить. Ну просто – полный бред!

Мы остановились поблизости от моего дома. Он поцеловал меня сразу же, как только машина замедлила ход. Поцеловал властно, жестко, словно намеренно стараясь причинить боль – и так сладко, что, как от местной анестезии, заledenели, заныли мои губы и что-то очень гулко и быстро заколотилось внутри груди. Это был короткий, беглый поцелуй, но его вполне хватило на то, чтобы я крепко притянула его к себе, раскаленным дыханием впиваясь в его неподдающиеся, твердые губы, целуя его так, словно от этого зависела вся моя жизнь. Это была какая-то вспышка дикого безумия! Я не знаю, что это было на самом деле, но позже такое безумие оглушительной, захватывающей все мое существо страсти не повторялось уже никогда. Может, потому, что мне хотелось, чтобы от этого поцелуя зависела моя судьба. Так непроизвольно расплелись мои руки и, обессиленная, я застыла в его объятиях, прижавшись лицом к его щеке. Он первый нарушил молчание:

– Я намного тебя старше. Тебе всего двадцать лет.

Я поразились прозвучавшей в его голосе горькой грусти. И энергично замотала головой, успокаивая его и себя:

– Нет, нет, что ты говоришь, ты намного лучше всех остальных!

Он улыбнулся с какой-то странной печалью:

– Все равно – я намного тебя старше. И это факт.

– Мне нравятся мужчины старше.

– Ты еще этого не знаешь. Ты слишком молода для того, чтобы это знать.

– Почему ты так говоришь?

– Наверное, потому, что знаю жизнь намного лучше тебя.

– В твоем голосе грусть! Почему?

– Мы расстанемся.

– Нет – если это будет зависеть только от меня! Все будет хорошо!

Я уловила странное, печальное выражение его глаз. И, чтобы он прекратил говорить (я не хотела, чтобы он говорил всякую ерунду), я поцеловала его снова. Притягивая к себе, целуя еще и еще.

Очарование первого поцелуя... Моя ночная откровенность, вырвавшаяся в судорожной страсти обжигающих губ. Все это вспоминается – снова и снова. Начало отношений и тот поцелуй, который был первым. Мы лжем себе и друг другу о том, что можем заниматься сексом без любви. На самом деле полностью отрицая, мы ищем любовь в каждом (пусть даже случайном) объятии, каждом вздохе. Мы, люди, устроены так. Мы ищем защиты от враждебного мира в чьих-то объятиях. Мы обнимаем друг друга, вдыхая теплый запах сплетающихся человеческих кож. Мы любим друг друга даже в полной уверенности, что все это случайно. Без объятий в человеческом теле поселяется боль. Мы так устроены, мы не можем иначе. Душевная боль, физическая – какая разница. Поэтому мы часто обнимаем чужих, случайных и совершенно не нужных людей. Какая разница, что не нужный или чужой. Пусть хоть на миг, на пару секунд... Мы сплетаемся теплым запахом прелых кож, и, разлетаясь по разным концам земли, всегда сохраняем с собой этот запах. Как настойчивое воспоминание или легкий дым, посылающий в нашу память слабые, не расшифрованные сигналы.

Все было просто. Как и все, я искала любви. Так же просто я видела мимолетную светлую грусть в человеческих глазах, в которых ничего на самом деле не существовало. И мой обман был вполне естественен и обычен потому, что в нем существовала жизнь, такая, как она есть, без прикрас.

Оторвавшись от меня, он произнес в тот момент, когда я восстанавливала дыхание. Сказал между прочим, без всякой ласки:

– Кажется, самое время поехать ко мне?

Я вспыхнула:

– За кого ты меня принимаешь?!

Когда мужчина приглашает женщину зайти к нему домой, он предполагает весьма определенные цели. Такое приглашение всегда имеет потаенный смысл. И нет женщины, которая втайне не понимала бы, что к чему. Мой жизненный опыт научил меня простой вещи. Чем раньше (по времени знакомства) мужчина сделает женщине такое предложение, тем меньше он ее ценит. И тем легче к ней относится. Его слова развеивали иллюзию. Но я была слишком ослеплена, чтобы это понять. Позже я узнала, что у каждого «приличного бизнесмена» из его круга (да и просто успешного кобеля) хранится специальная записная книжка, в которой записаны телефоны девочек на каждый день. Чаще всего это приличные и очень хорошие девочки. И каждая думает о том, что он серьезно встречается именно с ней. А на самом деле каждый день он встречается с новой дурочкой. Водит в своей машине, кормит в дешевом кафе и развлекается на полную катушку. Жизнь делового мужчины слишком серьезна, чтобы думать о такой ерунде, как чья-то там искалеченная душа. Такая записная книжка существовала и у моего кошмара. Но тогда я не могла об этом даже предполагать.

Тем не менее это заявление было первым настораживающим сигналом. Внутренне я вся собралась и сжалась – стараясь, чтобы он это не разглядел. Я не смогла скрыть злость в глазах, хоть и постаралась ответить ровным, спокойным голосом:

– Спасибо за приятный вечер. Разумеется, я никогда не поеду к вам домой. Прощайте. Спасибо, что подвезли.

– Ты меня не так поняла! Я не имел в виду ничего плохого! Просто я хочу, чтобы у меня не было от тебя секретов, чтобы ты знала обо мне побольше – вот и все! Если я обидел тебя, извини. Я действительно не предлагаю тебе ничего плохого. Просто по – дружески посидеть...

Он широко распахнул свои глаза (такому выражению наивности могли позавидовать самые крутые голливудские актеры).

– Если я и зайду к тебе в дом, то очень нескоро.

– Почему? Разве ты не хочешь встречаться со мной?

– Хочу.

– Тогда почему не хочешь увидеть, где я живу?

– Разумеется, не сегодня. В другой раз.

– Я не хочу расставаться с тобой. Никогда не хочу расставаться.

– Женись на мне – и не будешь.

– Я никогда не совершаю опрометчивых поступков.

– Я тоже.

Именно в тот момент я поняла, что предложение на бульваре было обычной шуткой.

– Завтра я тебе позвоню. Оставь мне свой телефон, – и даже достал листочек с ручкой.

– Именно завтра?

– Ну, может и нет... но я обязательно позвоню!

Воспрянув духом, продиктовала номер телефона. Прежде, чем я вышла из машины (он поцеловал меня еще раз) он повторил:

– Я обязательно тебе позвоню завтра! Именно завтра! Я обещаю!

Как на крыльях я летела к своему дому! Разумеется, завтра он мне не позвонил. Нет ничего подлее, чем не выполнять свои обещания. Особенно перед тем, кто этого ждет. Так впервые я столкнулась с его замечательной жизненной тактикой, которая состояла в том, что он никогда не выполнял своих обещаний. Он думал одно, говорил другое, а делал третье. При чем все это никак не было связано между собой.

Позже, много позже, пройдя унижения, разочарование, горечь и боль я научилась расшифровывать все в истинном свете. Слова «я обязательно тебе позвоню» означали, что он

никогда мне не позвонит. Слова «созвонимся и встретимся» означали, что в ближайшее время никакой встречи не будет. Слова «я очень занят, у меня важные дела, я так завален делами, встречами, что некогда пообедать» означали, что у него масса свободного времени и все дела можно отодвинуть на второй план. Слова «у меня жуткие неприятности с налоговой, настроение просто страшное» означали, что у него свободный вечер, и собирается он провести его не со мной. А с той новенькой, которую встретил недавно, а потому должен освободиться как можно скорее от всех остальных. Если бы я была обычной серенькой девочкой, мечтающей выйти замуж, я, возможно, смирилась бы с его изменами, уговаривая себя, что он действительно очень занят. Но я знала о его изменах. Знала, что он ни во что меня не ставит. И ни за что не могла понять и простить эту ложь. Вообще, я так натренировалась, что могла бы составить полный набор стандартных «джентльменских предлогов». Я копила горьким путем свое знание. Никому не дай Бог – так его копить...

Он не позвонит мне ни на следующий день, ни в пятницу, ни в воскресенье, ни через неделю. Его звонок раздался в тот же самый день недели (в среду, день нашей встречи) четыре недели (месяц!) спустя. Я не знала, что в первую очередь меня должно было насторожить именно это совпадение. Если мужчина звонит только в один и тот же день недели, это означает одно из двух. Либо он женат и все врет. Либо (что еще хуже) для тебя существует запись именно на этот день. А в другой день недели у него в списке другие девочки.

Я потеряла надежду увидеть его вновь к концу третьего дня. Я была твердо уверена, что не увижу его больше никогда в жизни. В том, что он не захотел мне звонить, я винила только себя. Видно, сказала что-то лишнее, не так себя повела... Не нужно было говорить, чтобы он на мне женился. Сейчас я понимаю, что я ни в чем не была виновата. Но тогда я почти до крови расцарапала свою душу. В безграничной пустоте, посреди замолкнувших стен, онемев от отчаяния и ослепнув от слез горя, не было такой казни, которой я не грозила бы его убить, и не было той минуты, в которую я бы не мечтала упасть (только бы он пришел!) прямо в его объятия. Если бы он только вошел... если б открыл мою дверь... если б только он открыл мою дверь – я протянула бы ему свою душу как замерзшая и отупевшая собачонка, позабыв о гордости, обо всех извечных словах и об уважении к женщине потому, что единственным счастьем и уважением было просто целовать его ноги... До такого предела я сумела пойти. Медленно, равнодушно и расчетливо он убивал во мне способность любить. Иногда я действительно ловила себя на мысли, что человек, которого я люблю, просто не может быть таким! Но в следующую секунду я ловила себя на другой мысли – о том, что я готова бежать за ним до конца, на край света...

Я существовала в собственном замке, прочные бронированные стены которого были специально построены им для меня. Я не знаю, как объяснить то чувство, которым я сумела срастись с ним в первое же мгновение. Физически я еще не принадлежала ему, но от обыденного прикосновения его рук в душе моей словно открылся второй клапан. Это было в тот самый момент, когда я заглянула в бездонную, черную впадину его удивительно фальшивых и до бесконечности искренних в своей фальши глаз. Глаз, похожих на застывшие, холодные озера. Я не знаю, как объяснить, но ощущение полного родства наших душ было в точности как фантастический сон. И долго, очень долго я не могла оторвать от себя эту боль (отрывая, я фактически теряла сознание от болевого шока), намеренно калеча себя тем, что не увижу его – больше никогда.

В тот вечер я приняла горячий душ и легла на диван с какой-то интересной книжкой. Было уже довольно поздно. В квартире раздался телефонный звонок. Я взяла трубку.

– Привет, узнаешь?

– Кто это?

– Я. Я звоню по мобильному, поэтому не могу говорить долго. В 11 подъезжаю к твоему дому. Пока.

Я успела крикнуть:

– Куда мы поедем?

Он вскипел:

– Какая тебе разница! – и швырнул трубку. Вся его сущность отражалась в этом звонке.

Во – первых, он был настолько скуп, что жалел копейки за разговор по мобильному. Во – вторых, он абсолютно не интересовался моим мнением. Он привык делать все так, как сказал. А я? Обычная мебель! Спросить меня – значить, унижить себя.

Я хорошо помню один наш телефонный разговор (после очередного расставания, разговор был примирительный). Мы помирились, я была счастлива и от полноты чувств сказала в конце «я тебя целую». Что ответил бы нормальный мужчина? Наверное, сказал бы – «я тебя целую тоже». Что же ответил на эту реплику мой кошмар? Он сказал очень резко, рассерженным тоном:” нет, это я тебя целую!» и швырнул трубку.

Но в тот вечер я спешила на первое наше настоящее свидание. На сборы оставалось мало времени, и я перерыла сверху донизу весь свой шкаф. Я вываливала одежду кипами на диван, не зная, что мне одеть. Наконец я остановилась на облегающей короткой черной юбке и нарядной зеленой блузке. В тот момент, когда я закончилась наряжаться, с точностью до секунды подъехал к моему дому он. Окно выходило на улицу, поэтому я увидела его сразу. От пяток до макушки я сразу преисполнилась насыщенным чувством гордости. За мной приезжает такая машина! От зависти все соседи умрут! И все будут смотреть, когда я выйду из дома и усядусь в эту роскошь! А потом такое важное событие будет обсуждать целый двор! Я раздулась от гордости, как индюк. Бросив перед выходом взгляд в зеркало, я нашла себя обворожительной. Еще бы: туфли на шпильке, облегающая юбка, открывающая мои ноги, прическа, хороший макияж. Под взглядами бабок – сплетниц нашего двора я вышла из дома и села в его машину. Бросив ему свою самую ослепительную улыбку. Он, не сказав даже «привет», еще до того, как мы отъехали, быстрым, тренированным движением (так, что я не успела даже предотвратить) схватил меня за плечи и впился губами Потом отъехал от дома. Мы устремились в каком-то совершенно неизвестном направлении, и я спросила:

– Куда мы едем?

– К морю. Я устал.

Я почувствовала разочарование. Наверное, в глубине души я ожидала ужин при свечах. Но это быстро прошло. Мы неслись сквозь тишину этой ночи, залитые сиянием мерцающих ночных огней, и я чувствовала его дыхание рядом со своим дыханием. Мы о чем-то говорили (не помню, о чем), но, полностью поглощенная атмосферой, я упивалась огромным, свалившимся на меня ниоткуда счастьем, благодаря Бога за эти чарующие минуты. Это свидание было самым счастливым из всех. Я храню его в памяти, как ослепительную, прекрасную драгоценность. Оно согревает мою кровь в глубинах нахлынувшей тоски. Это единственное, короткое, неуловимое мгновение моего быстрого, внезапно оборвавшегося счастья – самое светлое из всего, что он успел мне подарить.

Много позже вещи, восхищавшие меня в ту волшебную ночь, предстали в натуральном, несущем в себе страшную правду, свете. Во – первых – почему он повез меня именно в то место, на дикий пляж? Потому, что у «новых русских» нашего города существовала традиция: «дешевых» девочек (в смысле, не проституток, тех девчонок, на которых не нужно было тратить, ведь девочки предполагали о серьезных отношениях) везли именно в это место – трахать. Место было абсолютно безлюдным, у моря, на песке, удобный съезд вниз, а если девчонка не согласится – ее можно просто выбросить из машины, трасса рядом, пусть добирается своим ходом. Много позже я слышала как знакомые девчонки, пытающиеся подцепить бизнесменов, делились впечатлениями. Всех, абсолютно всех различные владельцы роскошных иномарок возили именно туда, на дикий пляж. И первый раз занимались сексом именно там. Традиция. Очень удобно. Ничего не поделаешь.

Второе. В середине пути я сказала:

– Я не только учусь в институте, но еще работаю на телевидении. Это тебя не смущает?

Он безразлично ответил:

– Нисколько. Человек обязательно должен иметь свое дело, заниматься хоть чем-то. Кто ты и чем занимаешься – мне все равно.

От его ответа я пришла в дикий восторг. Мне казалось: впервые в жизни я встретила человека, который меня понимает! Какой он добрый! Какой он умный! Вообще, полный бред.

Много позже, когда на моей работе сложилась тяжелая ситуация, мне пришлось уйти. Мне не заплатили всех причитающихся денег. Я страшно переживала по этому поводу. В тот период жизни я очень нуждалась в деньгах. Я позвонила ему и попросила хотя бы пятьдесят долларов. Это унижение было подобно смерти, но другого выхода у меня не было. В конце концов, я довольно долго спала с ним. И вот что он мне ответил:

– У меня нет денег. (Это один из самых богатых людей). И потом – что же это такое? Почему ты не можешь заработать сама? Как это ты уволилась с работы? Надо было держаться там изо всех сил и получать хотя бы копейки. Пусть мелочь, но что-то же ты должна получать? Ты что, собираешься сидеть на моей шее? Иди работать дворником! Ты не можешь не работать и ничего не получать! Поэтому делай, что хочешь. Для тебя у меня ни копейки нет.

У меня был друг. Просто друг и ничего больше. После этого разговора я, рыдая, ходила по улицам. Так, случайно, забрела на работу к своему другу. Я совсем не могла говорить. Наконец, когда он отпоил меня водой и прошли слезы, ко мне вернулся дар речи и я смогла ему рассказать... Он не сказал ни единого слова. Не задал ни одного вопроса. Я никогда не была его любовницей и никогда не собиралась ей быть. Все наши отношения сводились к деловым дружеским встречам. Но он открыл бумажник, вынул двести долларов, отдал мне и сказал: "никогда не смей возвращать».

Два года я безуспешно пыталась понять, что так влечет меня к этому человеку. Непреодолимая потребность испытывать унижения? Настоящий мазохизм? Неискоренимое стремление пить собственную боль как самый сладкий сок на земле? Позже, много позже, рассказывая подругам и знакомым, иногда даже профессиональным психологам в задушевных беседах, все откровенно недоумевали, что могло меня в нем привлекать. Что могло привлекать меня в этом откровенно мерзком существе? Он никогда не приглашал меня в ресторан, никогда не дарил подарков и ни разу за все два года не преподнес пусть самый дешевый букетик маленьких, обыкновенных полевых цветов. На этой части моего рассказа все женщины обычно поражались и сразу же загорались огромным удивлением:

– Как??!! Ни разу за два года он не подарил тебе цветов?! И ты два года смогла прожить с этим человеком?!

Да, не дарил. И я жила с ним. Ну и что? Я не знаю... Потребность искать отца? Но с отцом у меня было все в полном порядке. У нас были хорошие родственные отношения, и мой отец никогда не делал попытки уйти из семьи. Тем более, что мой кошмар не внешне, не внутренне не был похож на моего отца. Совершенно другой (противоположный) тип мужчины. Мой отец был честным, добрым и очень порядочным человеком. Мой кошмар был бесчестным, злым и плохим. Что еще? Общественное положение? Но он никогда не афишировал наши отношения перед обществом. Это было тайной – тайной, длившейся на протяжении двух долгих лет. Для утверждения в обществе мне никогда не требовалось посторонних доказательств, кроме моей работы. Что же тогда? ЧТО??!!

Ответ был прост, неприятен и напрашивался сам собой. Я просто его любила. Таким, какой он есть. Ни питая на этот счет никаких иллюзий. Я знала твердо и точно: я приняла бы его в любом состоянии – бедным и больным, без денег, без машины и без квартиры, потерявшим в своей жизни абсолютно все. Я приняла бы его нищим, подзаборным бомжем. А если бы он заболела, ухаживала бы как верная и преданная сиделка. Я не подпустила бы к себе ни одного

другого мужчины, кроме него... Иногда мне самой было все это смешно. Я не верила, что буду хранить ему верность. И я не верила, что долго смогу так его выносить. Но... Но я хорошо знала разницу между сексом, происходящим просто так, и сексом по огромной, всепоглощающей, всеобъемлющей любви. Мне стоило только легонько коснуться рукой его кожи, чтобы к моему горлу подступил кипящий, kloкочущий во мне поток, готовый в любое мгновение вырваться наружу.

Впервые я ощутила это там, на диком пляже, в тот незабываемый вечер. Он остановил машину в месте возле прибрежных скал. Вокруг не было ни одного человека. Не было даже ночных огней. Тол ко море дышало возле самых ног – холодное и огромное.

– Давай пройдемся, – мы вышли из машины.

Возле самой воды было холодно и грязно. Дул сильный ветер. Ледяные струи воздуха резали мое лицо словно бритвой, и я не ощущала приятности такой прогулки – под ветром и брызгами ледяной соленой воды. Мы вернулись в машину, ничего не сказав друг другу, и я отдалась ему сразу, так просто и легко, словно готовилась сделать это давно. Помню, как с замирающим сердцем падала в скользящую пустоту, которую я не могла проконтролировать или заметить. Несмотря на ледяной ветер снаружи, с нас обоих градом катил пот. Словно эта странная гармония происходящего давным – давно была заготовлена для нас на этом свете. Отдаваясь собственным ощущениям, я упивалась дробью разрозненных обрывков фрагментов, секунд, минут... Это было чем-то невероятным... Больше мне никогда не приходилось испытывать такого странного слияния двух различных людей, у которых совпадали не только пульсы, но и оттенки дыханий.

Позже, многократно прокручивая в собственной памяти оставшуюся в моей душе пленку, я понимала, что, скорей всего, у него давно не было женщины, именно поэтому он был так нетерпелив, так страстен и яростен. Уже познакомившись с его образом жизни, я поняла, что моя первая догадка была правильной. Этот мужчина мог очень долго обходиться без женщины. Для него не нужен был частый секс. В его характере эта черта была странным парадоксом. Он легко пускался во все тяжкие, предаваясь закоренелому разврату, но так же легко мог годами не прикасаться к женщине – особенно если в тот период был занят зарабатыванием больших денег. Тогда всю его энергию поглощали дела. Деньги стояли для него намного выше любой из женщин. И ни за что на свете ему бы не пришлось бы в голову поставить два этих понятия (деньги и женщина) рядом.

Мы были как два безумных, безудержных, ошалевших от избытка собственных эмоций зверя. Забыв обо всех и обо всем. Я целовала соленую кожу его лица. Капельки его пота застывали на моих губах как горькие, соленые слезы... Разжав объятия, я почти повисла на его шее. Вокруг разливалась тишина, и это было так странно... Я отчетливо слышала, как бьется его сердце, заглушая мое. Биение его сердца, резкие, хриплые точки, словно в своей ладони я сжимала тоненькую ниточку его жизни. Это было удивительно – в разлившейся ночной тишине слышать целый мир, огромный, оглушительный, ослепляющий мир... В тот миг за это прерывистое биение я могла бы отдать всю свою жизнь. Это был настоящий пик духовной, нравственной, физической любви. Я много ошибалась и много страдала. Я видела жизнь и знала ее такой, какая она есть. Но, несмотря на всю страдания и горечь – я любила. Я любила. И тот вечер подарил мне целое море огромной, прекрасной любви.

Так, прижавшись лицом к его обнаженной, заросшей жесткими волосами груди, я слышала дыхание моря одновременно с встревоженным биением его сердца. Это был самый прекрасный и чистый миг. Он легонько гладил ладонью мои волосы. Мне не было холодно – наоборот, все мое тело резкими толчками прошибал и будоражил раскаленный, горячий пот. Я готова была заняться любовью еще, но меня останавливала только мысль о том, что он больше не сможет. Все – таки ему не двадцать лет... Наконец, когда его сердце стало биться более ровно, я оторвалась от него и решила, что мне нужно одеться. Он первым нарушил молчание:

– Надеюсь, ты теперь понимаешь, что всегда будешь моей?

– Что?

– Быть моей – означает делать то, что я говорю. Поедем ко мне.

Все прошло – и экстаз, и восторг, и, до сих пор этим оглушенная, я с удивлением ловила себя на мысли, что все это уже действительно прошло. И вместо светлых чувств я испытываю только какую-то странную грусть, и именно из – за этой грусти я сижу так скованно, ровно и молча.

– Я сказал – поедем ко мне.

– Нет. Очень поздно. Меня ждут дома.

– А мне какая разница?

– Думаю, никакой.

– Правильно думаешь.

– Но, тем не менее, меня ждут. И я никуда не поеду.

– Кто ждет?

– Родители.

– Подождут! Неужели теперь ты не можешь поехать ко мне и остаться на всю ночь?

– Не могу. Я иначе воспитана.

– Я видел, как ты воспитана.

– Еще одно слово в таком роде – и я выхожу.

– Ну и как ты доберешься домой?

– Остановлю машину!

– У тебя нет денег!

– Почему же – есть!

Резко развернувшись, он попытался выхватить мою сумку – но я была быстрее. Общими руками я прижала сумку к груди. Он насупился.

– Ты ведешь себя очень странно! Твое поведение я пока не могу объяснить!

– А я – твое!

– Даже более того – мне не нравится этот независимый тон!

– Почему же?

– Сначала ты легко и просто соглашаешься на всё, а потом начинаешь что-то там демонстрировать!

– А тебе не приходило в голову, что, кроме тебя, в этой машине есть кто-то еще?

– Кто? Что ты морочишь мне голову! Кроме меня, здесь больше никого нет!

Я промолчала. Вдруг почувствовала, что здесь очень холодно. Жутко холодно – вдоль моего позвоночника появился холодный пот.

– Это всё означает, что ты никогда ко мне не приедешь?

– Почему же? Я обязательно приеду к тебе-только в другой раз!

– Неужели я не нравлюсь тебе – хоть немного?

– Ты мне очень нравишься. Даже больше... Я могу быть с человеком, только испытывая к нему какие-то чувства. Я была с тобой – значит, ты мне не безразличен. А что будет, если я в тебя влюблюсь? Ты об этом не думал?

Дальше он произнес фразу, вспоминать которую мне было суждено очень много раз. Он резко обернулся и, глядя прямо мне в глаза, сказал раздраженно и серьезно:

– Если когда-то еще раз в своей жизни ты заговоришь о женитьбе или любви, я исчезну и больше никогда не появлюсь! Ничего серьезного мне не нужно! Никаких серьезных отношений! Ты меня поняла?

Я остолбенела. Потом взяла себя в руки.

– Ладно. Тогда я в тебя не влюблюсь. Так будет даже легче. И гораздо приятней для меня.

Он рассердился еще больше.

– Опять говоришь глупости! Говорить о чувствах можно только тогда, когда для этого есть основание! Когда оба их взаимно испытывают! А я ничего к тебе не испытываю! И, надеюсь, ты ко мне тоже!

Я ничего не успела ответить – потому, что в этот момент зазвонил находящийся в машине телефон. И он поспешил снять трубку. Я не слышала ни единого слова, ничего. Пока он разговаривал, я отвернулась к темному стеклу, чтобы скрыть выступившие на глазах слезы.

Всю обратную дорогу до моего дома мы болтали так, как будто ничего особенного не произошло, как два старинных приятеля, встретившихся после долгой разлуки. Он что-то рассказывал о своем офисе, о бизнесе, о продаже какого-то товара.

Возле моего дома он не стоял и двух минут. Внезапно он стал резким и грубым. Попытался поцеловать меня – я отстранилась. Тогда он произнес весьма недовольным тоном:

– Наслаждайся жизнью и пользуйся всем, пока ты молода! Вот стукнет сорок – и тебя уже никто не захочет ласкать! А ты будешь сидеть и жалеть о том, сколько потеряла в молодости!

Я не выдержала:

– Любить можно и в сорок!

– Сомневаюсь!

– Но ведь тебе почти сорок, а я бы не сказала, что ты сильно страдаешь от отсутствия женской ласки!

– Для мужчины это совсем другое. А женский век заканчивается в 25 лет.

– Для тех сопливых шлюх, с которыми ты, наверное, общаешься, женский век заканчивается раньше, в палате вендиспансера – в 20.

Он рассмеялся и поцеловал меня в губы:

– Молодец! Мне нравятся девушки с характером!

В тот момент впервые он показался мне глупым. Я не ответила на его поцелуй. Открыла дверь. Он схватил меня за руку раньше, чем я успела выйти:

– Я обязательно тебе позвоню!

Выскочив, я громко стукнула дверцей его машины.

Через несколько дней после нашего первого свидания я поймала себя на одной очень интересной и свежей мысли. Эта мысль пришла мне в голову, когда спал первый восторг, и жизнь вернулась в естественное привычное русло, которое у всех других людей называется словом будни. Для всех, кроме меня. Дело в том, что за все годы моей жизни у меня не было еще двух одинаковых похожих друг на друга дней. Каждый день приносил с собой неожиданность, и постепенно я привыкла к тому, что, просыпаясь утром, не знала, где буду вечером. Иногда даже доходило до крайностей. В этой череде событий и была вся моя жизнь. И вот после шока такого странного первого свидания (шока, в полной мере прочувствованного мной) все вернулось в привычное русло. Я зажила также – как и всегда. И вот однажды утром ко мне пришла эта мысль. Мысль, что я ничего (ну абсолютно ничего!) о нем не знаю! Ни его фамилии, ни отчества, ни места работы, ни номера домашнего или рабочего телефона. Я знала только его имя – Леонид. И номер его машины. И всё. Я понятия не имела о том, как его найти. В большом городе тысячи Леонидов. А из всего этого следовало только одно: то, что с этим человеком я увижусь еще раз только в том случае, если он сам захочет меня увидеть. Если же он не захочет меня увидеть, я больше никогда его не найду.

Обнаженная откровенность этого неприятного открытия повергла меня в шок. Шок, который не имел ничего общего с порывами страсти. Если он не оставил мне даже номера своего домашнего телефона, значит, он не так сильно заинтересован в продолжении наших отношений. Я пыталась оправдывать его тем, что он просто забыл. Но сама же прекрасно понимала, что это исключено. Люди его положения не страдают склерозом. Какого положение? Я догадывалась, что не простого. Что же тогда? Выходит, он просто не захотел. Очевидно, он планировал меня на роль очередной девочки в будний день недели для развлечений. Но это было не

столь обидным, и не это причиняло такую сильную боль. Боль причиняло другое. Нестерпимую, словно надсадную зубную. То, что я могу больше его не увидеть, если он сам не захочет меня найти. Я могу больше никогда его не увидеть!

Разумеется, я не собиралась целыми днями сидеть, как прикованная к месту и зачарованно ждать звонка. Я вознамерилась вести прежний образ жизни. Просто, сама того не зная, я приобрела на плечи огромный моральный крест так, как приобретают венерическую болезнь. Крест гораздо более неприятный потому, что его не лечат. Крест сравнения. Отныне я была обречена всех остальных мужчин сравнивать с ним. В ту или совершенно другую сторону. Раньше я думала, что сравнивать можно только в том плане, что он всегда был лучше всех. Позже я поняла, что это не правда, бывают и лучше. Время тоже сыграло свою роль. В том, что у других мужчин я стала находить черты, совершенно не присущие ему. Например, внимание, доброту, благородство. И снова сравнивать – насколько он хуже. Где бы я не находилась, я всматривалась в лица окружающих меня людей и против собственной воли находила неискоренимые черты для сравнения. Я видела либо сопливые детские мордочки молоденьких мальчиков, либо уже потерянные для общества, наглые рожи. Печать откровенного умственного и физического вырождения с избытком присутствовала и на тех, и на тех. Мне всегда было не интересно общаться со своими сверстниками потому, что, окунувшись в телевизионную журналистику с пятнадцати лет постепенно, к своим двадцати годам, я научилась воспринимать этот мир без иллюзий. Я всегда была занята бурной светской деятельностью, много видела много читала, посещала презентации, выставки и концерты, постоянно куда-то ездила... О чем мне было говорить с мальчишками, глупыми мальчишками 20 лет? Эти мальчики не могла мне дать ни положения, ни денег, ни уверенность в завтрашнем дне. Кроме того, они почти ничего не умели в постели. У меня был обширный сексуальный опыт – начавшийся в четырнадцать лет. Меня совершенно не прельщали детские любовные истории. Не привлекала молодость и свежесть потому, что я сама была молода и свежа! Меня тошнило от детской глупости. Вообще, мои товарищи по институту и по работе были милые друзья, приятные «подруги» мужского пола, все, кто угодно – но только не мужчины.

Не мужчины. Я увидела перед собой мужчину в тот незабываемый вечер. Я увидела перед собой сильного человека, которому не были свойственны искристые переливания детских соплей. Передо мной был сильный человек. Мужчина. Мне так казалось. А, раз так показалось мне один раз, я уже не могла смотреть на окружавших меня детей. Но мне приходилось смотреть – и по – неволе я принялась сравнивать. Я заставляла себя смотреть, чтобы искать малейшие оттенки, притягивающие смутные сомнения, ясные и явные черты о том, что он – лучше. Лучше. Я была так заиклена, что даже на улице видела его черты в каждом встречном лице, и оттого мне казалось, что он постоянно идет мне навстречу. Так же стала хронически прогрессировать невротическая «болезнь», заключавшаяся в том, что я не могла пройти по улице, не оставив без внимания любую темную иномарку, не взглянув на ее номер. Мимо меня незамеченной не могла проскользнуть ни одна темная машина иностранного производства. Особенно доставалось от меня мерседесам. Когда я видела впереди темный мерседес, я бежала за ним следом только для того, чтобы взглянуть на номер. Иногда это выглядело очень смешно – для меня самой. А иногда кто-то ловил меня на этой пагубной страсти, и мне спешно приходилось выдумывать какие-то правдоподобные объяснения. Сказать правду было нелепо и смешно.

Он позвонил мне ровно через две недели – в среду. Это была третья среда, и третья встреча с ним. Раздался телефонный звонок, и на втором сигнале я сняла трубку.

– Привет. Я должен кое-что тебе сказать.

Все внутри болезненно замерло.

– Что?

– Ты только не волнуйся... Меня, наверное, посадят.

– Куда?

– В тюрьму.

Моя рука замерла, заледенела, словно из нее навсегда ушла кровь. Прошло время, и я поняла простую истину. В нашей стране большие деньги всегда заканчиваются одним из двух: могилой либо тюрьмой. Позже оказалось, что я возникла в критический период его жизни. Период, когда он потерял практически все. Его действительно могли посадить, и было за что: он не платил налоги, проворачивал темные операции и хищения. Каждый день его вызывали либо к следователю, либо в налоговую полицию, либо в прокуратуру. Каждый допрос я пережила с ним.

Его не посадили. Дело закончилось. Но я пережила с ним два реальных кошмара. Первый: его могут посадить. Второй: его могут убить. Я содрогалась каждый раз, когда слышала про убийство какого-то бизнесмена в нашем городе. Я реально переживала все это вместе с ним. В наших отношениях был период (в то, самое тяжелое время) когда мы не виделись с ним месяцами только потому, что он боялся подставить меня под удар вместе с собой. Он боялся, что вместе с ним меня могут убить случайно. Потому, что когда убивают бизнесменов, рядом с ними часто находятся их жены или подруги. Несчастных женщин убивают тоже. Но мне было все равно. Я не боялась смерти. Я боялась только его потерять – для меня это было страшнее, чем смерть. Может, потому, что я реально не представляла себе всей угрозы и опасности, ничего не зная об его темных делах. Он никогда не посвящал меня в свои дела, а я не спрашивала, зная, что в незнании жить проще. Скорей всего, на его совести было не одно преступление. Но мне было на это плевать. Мне было плевать даже на то, что меня могут убить вместе с ним! Он был лучшим! А от лучших не отступаются, их не судят.

Забегу немного вперед, сказав, что неприятности его прошли – не дойдя до тюрьмы. Он лишился заграничной недвижимости и очень значительных сумм. Все это отразилось на его характере еще хуже. Для него было легче удавиться, чем расстаться с лишней копеечкой. После этого характер его стал еще более невыносимым. Он оплакивал потерю денег так, как оплакивают безвременно ушедшего близкого человека. Это показалось бы мне смешным, если б не было таким страшным. Но это произошло намного позже.

Тогда, во время телефонного звонка (перед нашей третьей встречей) я еще не знала, что всё это пройдет.

– Понимаешь, меня могут посадить в тюрьму...

Я как стояла, так и села, с присохшей к руке телефонной трубкой. Потом выдохнула:

– Нет...

– Ничего страшного... успокойся... Все будет в порядке. Я выкручусь.

– Это серьезно?

– Очень.

– Сколько грозит?

– Семь или восемь лет.

– С конфискацией?

– Полной.

– И всю собственность?

– Всю собственность. Сейчас принято бороться с частными предприятиями – с теми, кто обеспечивает людей работой и зарплатой. По их мозгам, лучше, чтобы все не работали, чтобы люди не получали зарплату годами, но зато ничего не отдавать в частную собственность. Вообще, я идиот.

– Почему?

– Потому, что вкладывал деньги в бизнес! Надо было давно свалить из этой страны! Мне все говорили: какого хрена ты это делаешь?! Вкладываешь деньги?! Нужно бежать! А я никого не послушал, и вот теперь...

– Значит, надо отдать всё, чтобы не сесть в тюрьму.

– Ну да, тебе легко говорить! Чем больше им даешь, тем больше они хотят. Особенно, когда узнают, что у тебя есть еще... разденут до нитки. Вообще, ладно. Все эти разговоры только портят настроение. Ну их всех к черту! Я очень хочу тебя видеть! Одевайся, к девяти я подъеду.

Я очень сомневалась в том, что он был невинной белой овечкой, которую обижают несправедливо. Я прекрасно понимала, что на его совести немало темных грехов. Но говорить на эту тему не имело никакого смысла. Да я и не хотела продолжать этот разговор. Я верила, что все обстоит не так страшно, как он рисует – скорее всего, он просто давил на мою жалость. Мне было достаточно того, что очень скоро он приедет за мной. В этот раз я выбирала наряд еще более тщательно, чем в первый. Я остановилась на желтом платье, которое очень мне шло.

А потом я сидела в его машине, вдыхая знакомый запах его одеколona, и мы тряслись на ухабах, подъезжая к его дому. В этот вечер он безапелляционно заявил, что везет меня к себе домой. Потом он несколько смягчил резкость своего тона. Мол, он очень устал, а ему просто нужно с кем-то поговорить, кто его понимает, а ему так хорошо говорить со мной. А если я не хочу более близкого общения сегодня, то и не надо, просто посидим, поговорим по – дружески, ему нужно излить душу, ведь так плохо, когда не с кем даже поговорить. А всё, что ждет его в квартире-только одиночество. Нет ничего страшнее, когда только одиночество встречает с работы по вечерам. Я расчувствовалась. Как только он это увидел, то сразу перешел на резкость: если это меня не устраивает, в смысле, поездка к нему домой, то он махнет рукой, высадит на полдороге, и все наши отношения будут считаться полностью законченными. Я сказала, что с удовольствием поеду к нему. Он немного успокоился. Даже голос его изменился, стал мягче. Он не выносил, когда ему противоречили, и не терпел, когда кто-то отказывался делать так, как он говорил.

Я решила на полдороге. В тот момент, когда наступила редкая минута молчания. Обычно он все время болтал за рулем, не глядя на дорогу. Два раза мы из – за этого чуть не попали в серьезную аварию. Почему? Потому, что на оживленной трассе, на скорости сто километров в час, среди потока летящих на такой же большой скорости машин он вздумал... Отпустить руль и меня поцеловать. Тогда мы чуть не убились. Но наступила «минута молчания» и я решила. Я сказала:

– Может, мы хотя бы познакомимся? Если ты, конечно, не против?

– Что ты имеешь в виду? – в его голосе прозвучал металл. Он не любил удивлений.

– Я ничего о тебе не знаю.

– Меня зовут Леонид! Что еще тебе надо знать?

– Твое отчество!

– Леонид Валерьевич.

– А как твоя фамилия?

Ответ, последовавший за этим невинным вопросом, меня поразил. Он резко крутанул руль и шины с искрами закрипели по гудрону шоссе. Потом насупился, сжал зубы и произнес так, как будто я страшно действовала ему на нервы:

– А какое тебе дело? Свою фамилию кому попало я не говорю!

Я растерялась:

– Но ведь я тебе свою тоже скажу...

– А какое мне дело до твоей фамилии? Зачем мне ее знать? Что с того, что ты ее скажешь?

Ты – никто. Таких, как ты, на каждом углу миллион. Обычная смазливая девчонка. С тебя мне даже нечего взять. Ты живешь в паршивой маленькой квартире с родителями. Работаешь на разоряющемся телеканале и учишься в посредственном институте. Ты – никто! Какое мне дело до твоей фамилии?

Обида была настолько сильной, что в первый момент после болевого шока я даже не сообразила, что он все обо мне знает, а, значит, наводил справки. Я схватила руль и попыталась крутануть к себе. Он заорал:

– Идиотка, что ты делаешь! Собралась на тот свет!

– Останови машину! Я сказала – останови!

– Какого черта?

– Я выйду! Я не хочу иметь с тобой ничего общего, я не хочу больше тебя видеть!

– Здесь остановка запрещена. Если хочешь, я отвезу тебя домой и все наши отношения будут полностью закончены.

Он произнес это таким тоном, что я поняла: он не шутит. Он действительно решил покончить со мной. Я так перепугалась, что даже забыла про свое унижение. Он молчал.

Остановил машину в глубине своего двора. Это был обыкновенный узкий двор с обязательными провинциальными верандами друг на друге. С веревками посередине двора, завешенными сохнувшим бельем. С серой отвесной стеной. С кошкой возле мусорного ведра. Двор обычный, похожий на сотни тысяч других дворов. Он остановил машину. Обернулся. Улыбнулся краешками губ.

– Извини, я не хотел тебя обидеть. Сорвался. Извини.

В кухне было большое окно, выходившее прямо на сплошную серую стену. Я поправляла волосы, смотрясь как в зеркало в мутную, застывшую воду равнодушного ко всем человеческим и цивилизациям стекла. Я отражалась полупрозрачным силуэтом в темноте, и мне самой казалось, что мое лицо словно выступает из гладкой холодной воды. В этом неухоженном доме все было ко мне равнодушно. И ко всему равнодушной была я.

Я стояла молча, оглядывая голые стены. Никакой кухонной мебели, только плита, стол, табуретка и холодильник. Голая лампочка на шнуре под потолком. Как можно так жить? В ванной, дверь которой была поломана, журчала вода. Конечно же, не было и не могло быть ничего оскорбительного в том, что он мылся, но... Но равнодушная гладкость стекла наталкивала на неприятную мысль о том, что он не просто принимал душ, а отмывался. Отмывался – от меня, стараясь уничтожить невольные следы моих прикосновений. Знаю, это может быть глупо. Но я ничего не могла сделать с собой. Многие мужчины весьма наивно полагают, что женщины оценивают их по тому, как они умеют заниматься любовью. Глупость. Женщины оценивают по – настоящему только одно: как мужчина ведет себя потом.

Я молчала. По – настоящему мне следовало выйти, громко хлопнув дверцей машины, и никогда больше не встречаться с этим человеком. Но я не могла. Я не сделала этого. Он догадывался, что я не сделаю.

– Юрков. Леонид Валерьевич Юрков.

Я ничего не ответила и своей фамилии ему не назвала. Он не спросил. Мы вышли из машины. В подъезде было темно. Я держалась за его спиной, вдыхая теплый, но уже почти выветрившийся запах его одеколona. Он был маленького роста (я была выше его почти на голову), но недостаток роста полностью искупался шириной его плеч. По сравнению с его размерами я казалась сама себе отощавшей щепкой. Но он совершенно не был толст. Напротив, его коренастая фигура была подтянутой и стройной. Несмотря на возраст, он не имел кругленького обвисшего живота. А мышцы икр, груди, рук были довольно сильно накачаны. Он был широк в плечах и очень силен. Вообще, нормальный, здоровый мужик. Только маленького роста. Если бы он прилично одевался и следил за собой, с натяжкой его можно было бы назвать даже красивым. Но он не следил за собой.

В подъезде было грязно, темно, воняло мочой и мышами. Он жил на третьем этаже. В районе старого города я еще никогда не видела действующей электрической лампочки ни в одном из подъездов. Нужно было преодолеть три огромных лестничных пролета, чтобы добраться к нему. Это был старый четырехэтажный дом без лифта. Наконец мы дошли. Щелк-

нул замок. Он толкнул дверь, и мы вошли в его квартиру. Дверь захлопнулась за мной. Так свершилась моя судьба.

Было два часа ночи. Время пролетело очень быстро. Он собирался отвезти меня домой. Я стояла в кухне и ждала его. Голая лампочка на проводе тускло освещала унылые стены, побеленные зеленой известкой.

Я ненавижу голые лампочки. Не могу это перенести. Не знаю, почему, но так вышло. Я могу перенести и вытерпеть все, что угодно. Но только не голую лампочку без абажура, на шнуре. Это кажется мне символом бездомности и апофеозом падения, которое просто нельзя пережить. Голая, бесприютная серость, как растроченный напрасно, не пробившийся хрупкий талант, как поруганная человеческая гордость – все это настолько больно, что царапает мое сердце и горло до слез. Я ненавижу бездомность потому, что у меня никогда не было дома. Я скиталась по сотням разных, иногда беспробудных дорог. И куда бы я не попадала, я всегда одевала на голую лампочку что-то – хотя бы абажур из салфетки. И очень помогало. Сразу становилось легче жить. По стенкам тогда плясали пусть фальшивые, но все – таки чуточку домашние тени.

Я обратила внимание на лампочку потому, что меня охватила странная грусть. Эта грусть поселилась в моей душе нагло, неосознанно, в тот самый момент, когда он ушел в ванную и что-то до неприличия горькое подступило к глазам. В горле – не проглоченный ком, и мне просто так стало горько, очень горько. Я расшифровала и опознала состояние грусти только в темном стекле. Это окно словно подсказало мне, что именно расплавленной горькой тоской упало на мои плечи.

Чувство, что меня использовали. Взяли и использовали, как неодушевленный предмет. Может быть, это было не правильно, глупо, может, с чьей-то точки зрения я всегда могла гордиться собой, но дело в том, что это было естественное женское чувство. Оно приходит, если часто ночуешь в разных постелях. А это была даже не постель. Так, жесткий диван без всяких признаков удобства. Когда он вышел из ванной, я по – прежнему гипнотизировала собственную тень в стекле. Он не нашел ничего лучше, чем спросить:

- Что ты здесь делаешь?
- Хотела воды... но здесь ее нет...

Он подошел к холодильнику, достал какую-то импортную бутылку. Вода была минеральной, безвкусной и очень холодной. Несколько капель пролились мне на шею, и я вздрогнула. Однако он отнес мою дрожь на свой счет. Он осклабился нахально и самодовольно, точно думая, что я задрожала, увидев его в одном полотенце выходящим из ванной. Тогда я в первый раз разглядела, что он самодоволен и без меня нахален. И мне стало противно. Меня затошнило. Поэтому я слишком резко бросила:

- Одевайся!
- Почему? – удивился он.
- Отвезешь меня домой!
- Разве ты не останешься у меня до утра?
- Нет. Мне пора ехать. И обсуждать эту тему мы не будем.
- А у меня сломалась машина.
- Ничего, вызовешь такси.
- А телефон тоже не работает.
- Позвонишь с мобильного.
- А мобильный я отключил.
- Тогда позвонишь с уличного автомата.
- А у нас двери запирают на ночь, в смысле, ворота двора, ключ находится у дворника, а я не знаю, где живет дворник...
- Хватит строить из себя идиота!

– Как ты со мной разговариваешь? Я не потерплю такого отсутствия уважения!

– Мне нужно домой!

– Останешься до утра – я сказал.

– А я сказала – не останусь.

– Ты ведешь себя как полный ребенок. В конце концов, это просто глупо. Если тебе не хватает в моей квартире мебели, завтра я куплю. Конечно, очаровательно, когда женщина иногда похожа на маленькую девочку, но если она постоянно прикидывается маленькой девочкой, то это уже диагноз.

– Лучше детский сад, чем дом престарелых.

– Это ты намекаешь на меня, да?

– Ни на что я не намекаю!

– Значит, ты считаешь, что я слишком для тебя стар? Знаешь что – пошла ты к черту! Теперь я уже сам не хочу, чтобы ты оставалась здесь! Мне осточертело то, как ты со мной обращаешься! Теперь я уже из принципа не хочу быть с тобой до утра!

– Вот и хорошо – отвезешь меня домой.

– Убирайся к чертовой матери куда хочешь!

Он покраснел от гнева, нервно засуетился на кухне, стал очень злой. В этот момент громко зазвонил телефон. Хлопнув дверью, он быстро выскочил в другую комнату.

Когда вернулся, был полностью одет. Выражение лица – по – прежнему очень злое. В руке вертел ключи от машины – так, будто это кинжал, на который он хотел меня нанизать.

– Пошли, я тебя отвезу.

– Пожалуйста, дай мне номер своего домашнего телефона!

Остановился на полдороги:

– Зачем?

– Ну, мы же с тобой встречаемся – вроде. И мне хотелось бы знать твой телефон.

– Чтобы ты постоянно мне звонила и действовала на нервы?

– Почему ты так решил?

– Полгода назад я встречался с одной девушкой, Наташей. Кстати, она была очень красивой, только много курила и пила. Так вот, она постоянно просила у меня денег. А когда я ее бросил, то стала звонить по несколько раз в день, а потом – орала по ночам под окнами.

– Я тебе обещаю – я не буду орать по ночам у тебя под окнами.

– Все вы так говорите! Мои женщины всегда только думали о себе, а то, что происходило со мной, их не интересовало!

– Я обещаю, что не буду тебе часто звонить, только в случае крайней необходимости. Я могу вообще не звонить, если ты не хочешь.

– Тогда зачем тебе мой домашний телефон?

Это уже превращалось в натуральную болезнь! Причем болезнь обидную и жестокую – как глупость в чистом виде. Но я не привыкла отступать.

– Для того, чтобы знать!

Он вздохнул, и я поняла, что победила его своим упорством. Я достала записную книжку, и он быстро продиктовал мне номер. Очевидно, надеясь, что я не успею его записать. Наивный! Любая запись, которую я вела в своих журналистских работах для текстовок сюжетов, всегда была ускоренной. Выходя из подъезда, я почему-то оглянулась на дом. В самом верху, на четвертом этаже, светились окна. Двор был похож на дно темного колодца, заполненного воздухом, как водой...

А потом я вдыхала в себя аромат ночи, ворвавшийся в распахнутые окна машины. Пьянящая ночная езда на повышенной скорости, и прохладный воздух, и мало машин, и ощущение, что рядом со мной – он... Словно в жизни ничего больше не нужно искать потому, что ничего больше не существует! Эти минуты были моим маленьким, потаенным, спрятанным

от всех и никому не известным счастьем. И, глядя на ускользящую из – под колес дорогу, я пообещала себе, что на следующий раз обязательно останусь у него до утра. Мне было так хорошо, что я сказала вслух:

– Извини меня. В следующий раз я обязательно у тебя останусь.

Даже не повернувшись в мою сторону, он ответил:

– А я не хочу, чтобы ты оставалась у меня всегда. Это только по моему настроению.

– Да?

– Да. Если я захочу – останешься. Если нет – значит, уберешься. Все это не так важно.

Я замолчала. Я не знала, что еще можно было сказаться. Через некоторое время он нарушил молчание:

– Кстати, не удивляйся, если, когда ты мне позвонишь, трубку возьмет женщина. После завтра приезжает моя мама.

– Твоя мама?

– Да. На месяц. Она будет у меня жить.

Не знаю, зачем я это спросила – словно осенило, и я ляпнула:

– А как имя – отчество твоей мамы? Если я попаду на нее, то хоть познакомимся, поговорим...

Он так резко крутанул руль, что я чуть не выпала через боковое стекло.

– Да какое тебе дело! Тебя это не касается! Какого черта ты лезешь в мою жизнь! Что ты себе позволяешь!

От его истерических криков звенело в ушах. Его лицо стало багровым, глаза вылезли из орбит. Голос был истерически – пронзительным, повышенным просто до ненормальных пределов. Сначала я обалдела, но потом поняла. Он распахивался так потому, что я поймала его на лжи. Он мне лгал. Женщина, которая будет в его квартире – не мама. Тогда кто?

Я похолодела от посетившей меня догадки. Забегу немного вперед и скажу, что моя догадка тоже не была правильной. Женщина действительно была. Это была не жена и, конечно, не мама. А... хозяйка этой квартиры. Эта квартира принадлежала не ему. У него не было оформленной собственности в этой стране. Более того, он вообще не имел прописки в городе и гражданства страны. Он снимал эту квартиру. Зачем? Вариантов было всего два. Я не знала в точности всех его махинаций. Но предполагала, что так он живет из – за следующих причин. Либо он собирался проверить здесь несколько дел и быстро смыться в другую страну. Либо искал невесту с хорошим приданным. Про квартиру я узнала намного позже – от любовника хозяйки, который в нее переехал потом.

Однажды кошмар исчез из моей жизни и я решила срочно его разыскать. Я позвонила ему домой, но в квартире его не было. Там проживал любовник хозяйки, который все мне рассказал. Мой кошмар не соизволил поставить меня в известность о том, что собирается сменить жилплощадь и, переселяясь на другую снятую квартиру, не оставил мне ни нового телефона, ни адреса. Единственным средством связи оставался номер его рабочего телефона, по которому в любое время я могла его разыскать. Отобрать у меня или сменить этот номер он не мог потому, что не мог поменять официальное место своей работы, свой офис. Так что женщина действительно была. И постоянно снимала трубку, когда я звонила. И с огромным увлечением рассказывала мне, с кем он еще встречается – кроме меня, кого приводил в дом или что он думает по моему поводу. Выглядело это примерно так:

– Он полчаса назад уехал к своей Свете. И, очевидно, останется у нее ночевать. А вчера он звонил от Вероники, спросил, не звонили ли ему и не передавали что-то важное по телефону. Я сказала ему, что вы звонили, а он ответил, что не знает никакой Лены, и очень долго не мог вас вспомнить. А когда вспомнил, то сказал, что Лена – очень распространенное имя, Лен у него очень много и он все время путается. Зато только одна Света. Кстати, он с этой Светой встречается уже третий год. Скоро, наверное, пойдет разговор о свадьбе.

Я плакала, злилась и спрашивала его. Он ругал матом женщину, орал и божился, что у него нет, не было и не будет никакой Светы, что эта сука, которая сидит на телефоне, все врет специально, чтобы испортить его личную жизнь. Клялся и божился, что заткнет ей рот и больше никогда в своей жизни она не посмеет так со мной разговаривать. Он вообще собирается выгнать ее вон. Но – время шло, и женщина (ей было за шестьдесят) по – прежнему находилась в квартире и разговаривала со мной в таком же тоне. Это была очень бойцовая, наглая и богатая бабка, в свои шестьдесят имевшая сорокалетних любовников. Она рассказывала мне об этом сама и она не лгала. Каждый раз, когда мы приезжали к нему домой, в ее комнате сидел мужчина, и каждый раз это был кто-то другой. Мужчины выскальзывали из ее комнаты с жутко смущенным видом (все они были еще молоды и хороши собой), а бабка дефилировала так, словно ничего не произошло и в квартире она одна – в бигудях, накрученных на редкие перетравленные волосы, распахнутом халате, грязном бюстгальтере и старых трусах, пожелтевших от частой стирки. И, глядя на нее в таком виде, я поражалась и думала о том, что должен представлять себе молодой мужчина, чтобы у него на нее встал...

Бабка очень щедро платила своим любовникам и не скрывала этого. Философия, которой она щедро делилась со мной, состояла из следующего. Когда ты молода и красива, мужчины должны тебе платить. А когда ты постареешь, перестанешь быть молодой, свежей и красивой, но тебе по – прежнему будет нужен мужчина, то ты будешь платить за свое удовольствие – из тех денег, которые раньше платили тебе. Это нормально и естественно, и нечего тут стыдиться. В молодости любовники подарили ей несколько квартир. Теперь она сдавала их, жила припеваючи и могла позволить себе платить молодым любовникам. Эта бабка была достойная компания для моего кошмара. Думаю, что он с ней тоже спал. По крайней мере, этот факт он очень тщательно скрывал и всегда отрицал с такой дикой яростью, что выдавал себя с головой. Когда он лгал, то всегда приходил в ярость. А лгал он так часто, что очень скоро в его обращенных ко мне словах не осталось ни одного – единственного слова правды. Поэтому я перестала реагировать на все его слова.

Я твердо знала: все, что он мне скажет, будет неправдой. Но для того, чтобы мне открылось это страшное знание, мне понадобилось не меньше двух лет. Два года лжи, унижений и злобы провели меня через колоссальную жизненную школу. Вряд ли у многих есть такой опыт. Я хочу поделиться им. Он провел меня через это только одну – одну из всех, с кем спал. Открываясь каждый раз с другой стороны. Думаю, он спал с бабкой (когда я долго думаю об этом, меня тянет на рвоту). Наверное, спал, когда не хотел тратить деньги на девочку. Или просто чтобы сэкономить время.

Эту странную машину я обнаружила где-то после третьего – четвертого свидания, возле своего дома. Наши свидания проходили регулярно – раз в неделю. Постепенно это начало меня раздражать. Я пыталась звонить ему в другие дни недели, пыталась как-то его найти. Если я звонила до одиннадцати вечера, текст озвучивался голосом бабки, и я жалела несколько дней, что решила ему позвонить. Если после одиннадцати – в квартире никто не брал трубку.

После очередного свидания прошло несколько дней. И поздно вечером (часов около десяти) я возвращалась домой. Я ненавижу возвращаться домой в одиночестве, в темноте. Мне страшно. Я боюсь углов, за которыми прячутся беглые тени. Боюсь освещенных подворотен – подъездов, где просматриваются, наряду с мусорниками и кошками, ноги бомжей. Боюсь темных свалок возле мусорных контейнеров, где копошатся оживающие с темнотой люди. Боюсь.... На самом деле я ничего не боюсь. И всегда стараюсь делать вид, что это – правда. Конечно же, я не боюсь темноты, но... Испугать меня могут другие вещи. Но я никогда не рассказываю о них. Никому.

В тот вечер (вернее, в ту ночь) я возвращалась с какой-то очередной презентации и так сложилось, что никто не смог меня проводить. А денег на такси не было. Ночной город был пуст, вдоль улицы замерла жизнь, и только громкий стук моих каблучков создавал чувство

реальности в этом спящем мире. Чтобы выйти к моему дому, нужно было пройти несколько кварталов вперед. Это был оживленный, не страшный район. Я только начала идти по своей улице, как вдруг увидела, что на некотором расстоянии прямо за мной следуют темные жигули с потушенными фарами. Это могло быть простым совпадением – но могло и не быть. Вокруг не было ни людей, ни машин. И дороги, и улицы – все было пустынным. Я ускорила шаг. Машина прибавила ход.

Теперь машина ехала так, чтобы следовать за мной буквально рядом. Я еще держала себя в руках, но эта ночная прогулка уже начинала действовать мне на нервы. Я замедлила ход. Машина тоже притормозила. Я свернула в переулок. Машина как привязанная ехала вслед за мной. Я прошла переулок, сделала круг по другому кварталу и вновь вернулась на свою улицу. Машина не отставала. Медленно, неукоснительно и слишком явно она следовала за мной. Мне по – настоящему стало страшно. Больше всего меня пугала эта молчаливая недосказанность, полное отсутствие действий со стороны тех, кто сидел в машине и недосказанность намерений находящихся внутри. Мне было страшно. Я не могла понять, не могла объяснить этого странного следования. Если водитель хотел познакомиться со мной, почему не высунулся из машины что-то прокричать, например, предложить подвезти? Но в этом случае все было не так. Никто не открыл окно и никто ничего не кричал. Очевидно, за мной просто следили. Но зачем?! КТО?! Что это за бред? И если действительно следили, то почему так явно? В конце концов, я не выдержала, стала бежать. Машина поехала за мной – не отставая, совсем быстро. Я буквально влетела в ворота своего дома (куда еще могла я бежать?). Увидев, что я скрылась в подъезде, машина остановилась, потом поехала вниз по улице. Сквозь щелку в воротах я следила за ней.

Наконец, я вошла в парадную и перевела дыхание только перед своей дверью. В тот момент, когда я переодевалась в своей комнате (разумеется, в моем окне горел свет) раздался телефонный звонок.

Схватила трубку. Мужской голос спросил:

– Тебе понравилось?

– Кто это?

В трубке мерзко хихикнули. Потом раздались гудки отбоя. Я узнала голос. Мой кошмар. Набрала его номер. Как всегда, мне в ответ раздались длинные гудки.

С тех пор эта машина появлялась почти каждую ночь. Иногда стояла под моими окнами. А каждый день в самое различное время (но чаще всего по ночам) раздавался телефонный звонок. Никто со мной больше не говорил. Молчали, иногда вздыхали, слушали мой голос, потом вешали трубку. Бывали дни, когда телефонный звонок раздавался по... двадцать – двадцать пять раз. Через каждые десять минут или с большим промежутком времени. Автора моих загадочных телефонных звонков я окрестила «маньяком». Я знала, кто автор, но до сих пор не могу понять, зачем он всё это делал. Наши свидания, размеренные и одинаковые, как песочные часы, проходили всегда по одной и той же схеме, описанной мною в начале. Не было ни одного раза, когда он попытался бы что-то изменить.

Впрочем, ко второму месяцу наших отношений дни недели иногда стали смещаться. Иногда он позволял себе встретиться со мною в четверг, иногда – в пятницу или во вторник. Для меня это было очень лестно – потому, что означало, что у него действительно много работы, встречаться некогда и ради меня он пожертвовал несколькими из обычных своих девочек. Тогда я еще этого не понимала и смещение во времени принимала как должное.

Кроме машины, телефонных звонков, была еще полная недосказанность, которая порядком действовала мне на нервы. Я не знала места, где он работает. Я до сих пор не знала в точности о нем ничего.

Каждый вечер в определенное время он разъезжал по своим магазинам, кафе, ресторанам, снимая кассу, но где находились эти магазины, рестораны, кафе? Я очень хотела это узнать. Мне помог простой, самый обыкновенный случай.

Однажды я шла по городу и вдруг увидела его машину, которая заворачивала за угол на одну из центральных улиц. Недолго думая, я свернула и почти побежала следом за ней. Мне было плевать, что он может меня заметить. Я собиралась объяснить это простым совпадением. Но он не заметил, мне повезло. Машина проехала еще квартал и остановилась возле крупного продовольственного магазина с яркой вывеской и большим количеством окон (я знала этот магазин – раньше в нем был государственный гастроном).

Он вошел внутрь. Рядом находился подъезд жилого дома. Я быстро шмыгнула туда и стала ждать. Все это напоминало дурацкий сюжет какого-то тупого детектива, и было бы очень смешно, если бы все это не происходило в реальности со мной. Вскоре к магазину подъехал грузовик. Двое грузчиков стали заносить внутрь ящики с продуктами, пакеты, коробки. В магазин привезли товар. На улицу вышел объект моего наблюдения. Он расхаживал по тротуару с важным видом и говорил по мобильному телефону. Сомнений не оставалось – это его магазин. Я смотрела на этот важный, надменный вид, на это безразличие к окружающим и полное пренебрежение ко всему, на то, как перед ним заискивали, и словно видела перед собой совершенно другого человека. Мне было странным представить и вспомнить, что накануне ночью этот самый человек был со мной. Я смотрела – и почему-то мне было грустно. Надменность, презрение, самодовольство – а что скрывается внутри?

Товар разгрузили. Грузовик уехал. Через некоторое время уехал и он. Я провела в подворотне около двух часов. Когда он уехал, настало время действовать. Подождав для гарантии минут пятнадцать (когда машина надежно скрылась за горизонтом и стало ясно, что он уже не вернется), я подкрасила губы, причесала волосы и направилась в магазин.

Это был стандартный магазин, заваленный импортными продуктами. Гастроном, в котором было все, начиная от хлеба и заканчивая пузатыми бутылками дорогих ликеров. За стойками были три продавщицы. Две – сопливые, размалеванные девчонки моего возраста. Одна – женщина более старшая, круглая и симпатичная, как сдобный шарик. Я подошла прямо к ней.

– Извините, можно вас спросить?

– Да, конечно, – она улыбнулась, – вы что-нибудь выбрали?

– Нет. Я хотела поговорить с вашим хозяином. С Леонидом Валерьевичем.

Женщина действительно была доброй. Когда я задала свой дурацкий вопрос, она бросила на меня полный сочувствия взгляд. Настоящий сочувствующий взгляд! В тот момент я еще не могла расшифровать его полностью.

– Его сейчас нет. Но, может, вы поговорите с администратором?

– Нет, мне нужен лично Леонид Валерьевич. Вы не подскажете, где я могу его найти?

– Да, конечно, я могу подсказать, но... Деточка, извините мою нескромность – но зачем он вам?

В магазине не было покупателей. Две остальные продавщицы явно заинтересовались нашим разговором и подошли ближе. Очевидно, их очень интересовало все, связанное с именем их босса. Расслышав вопрос женщины, одна, самая наглая, вмешалась в разговор:

– Эта тоже спрашивает хозяина? Господи, сколько тут их за день ходит – просто обалдеть можно! Прямо какой-то кобель!

Ее молоденькая товарка шикнула, но та только отмахнулась:

– А мне плевать, пусть передает! Я все равно увольняюсь через неделю!

Повернулась ко мне.

– Впечатление, что он перетрахал всех девок этого района! Теперь – ходят и ходят, по несколько штук в день. У этой сволочи таких, как ты, сотни! И ко мне приставал! Что, не веришь? И чего за ним бабы бегают, не пойму! За таким дерьмом! Думаешь, у него бабок

много? Так у него долгов выше этой крыши! Он же кусок дерьма, сволочь и хам! Хорошо, что я через неделю сваливаю! Надоело слушать, как он в подсобке продавщиц трахает! Так что можешь ему передать! И пошел он...

– Я, конечно, передать могу... Но только я обращаюсь по поводу работы. Он мне обещал место продавщицы. Наверное, ваше.

Девушка фыркнула, развернулась и покинула поле боя. Ее товарка ушла следом. Мы с женщиной остались одни. Я растерялась – потому, что не знала, что мне говорить дальше. Женщина улыбнулась.

– Не обращайтесь на нее внимания! Хотя наш хозяин действительно очень тяжелый человек.

– Я не обратила, – сказала затем, чтобы хоть что-то сказать.

Улыбка женщины стала еще лучезарней.

– Если вы действительно по поводу работы, то сейчас я напишу вам, где лучше его найти. Скорей всего, он находится на заводе. Или в ресторане. Адреса всех его ресторанов я не знаю. Знаю только один, но он самый плохой. Я вам напишу.

Она вырвала листочек из блокнота и написала адрес. Протянула мне.

– Завод близко. Два квартала вниз по улице, потом – за углом. Вы быстро дойдете. А к ресторану нужно ехать. Улица Мирная, новый район.

Я вежливо поблагодарила ее и покинула магазин.

Огромные серые корпуса технологического завода промышленно – химических полимеров были известны всему городу как место гиблое и абсолютно безнадежное в том смысле, что не работало оно никогда. Ни при советской власти, ни во время перестройки, ни после. Эти огромные, многоэтажные махины, построенные из мрачного камня, в самом центре города, напоминали военный полигон, на котором разгорались и сразу же гасли страсти общественных организаций, городских властей, Гринписса и всяких всевозможных экологов. Впрочем, их устойчивые усилия на предполагаемое очищение окружающей среды были нужны как ярко иллюстрированный предлог скачать больше денег. А бороться против завода полимеров было выгодно, ярко и легко.

Во – первых, завод производил бытовую и промышленную химию, и в курортном городе был единственным представителем (что-то вроде динозавра) крупной химической и тяжелой промышленности, которой славны и загажены другие крупные города. Следовательно, завод химических полимеров был единственным и неповторимым в своем роде. Другого такого на курорте не могло существовать.

Во – вторых, в последние годы этот самый пресловутый химический монстр (вернее, монстрик) стал частным заводом – акционерным обществом с единственным владельцем. Большинство акций сконцентрировалось в руках одного человека, который не только был хозяином завода, но и директором. Акции оказались в одних руках, завод стал частным. попросту говоря, нынешний владелец украл завод, что для всех стало как кость в горле. Все годы советского и перестроечного периода завод стоял камнем, не выпуская ничего. Впрочем, нет. В советские годы на нем выпускалась отравка для тараканов. Но от этой отравы тараканы не дохли, а наоборот, становились жизнеспособнее, крепче и толще.

В перестроечные годы огромные корпуса цехов (где разворовали все, что только было возможно) стояли словно застывшие, застывшие призраки минувших эпох, а немую тишину опустошения нарушали разве что гнездившиеся под крышами вороны. Долгое время у всего города завод был как кость в горле. Когда он не работал, все разводили руками, указывали на него и орали:” Вот до чего страну довели – вся промышленность погибла!» Когда же, став частным, завод набрал обороты, рабочих и даже принялся регулярно выплачивать свои рабочим неплохую зарплату, все возвели персты к небу и заорали: «вот эти сволочи, вору зажрались!»

Сперли завод прямо у государства из – под носа!» Вообще, иначе не скажешь – кость в горле. Пустые корпуса советского периода наводили уныние. Потом они ожили.

Мой кошмар поднял на ноги колоссальный промышленный агрегат, заставив работать все корпуса – а их было около пяти, в разных концах города. Завод заключил контракт с крупной зарубежной фирмой на изготовление сырьевой бытовой химии и лицензионной, марочной парфюмерии. Заграничное предприятие поставляло готовое сырье, а сама продукция по лицензии производилась на заводе. Бытовые чистящие химические средства (стиральные порошки, дезинфекторы для сантехники, отбеливатели, красители и т. д.) и парфюмерия (мыло, зубная паста, шампуни, краски для волос, духи, туалетная вода, гели для душа, пена для ванн, кремы и т. д.) пользовались огромным спросом потому, что стоили не дорого, а качество было хорошим. Я сама пользовалась большинством наименований этой продукции. Это была только одна из линий работы завода.

Другая заключалась в большом количестве удобрений для сельхозработ, химических добавок для крупного машиностроения и сталелитья. И были еще цеха, в которых изготавливались транспортные детали (что-то связанное в автомобилями), со специальной химической обработкой деталей. Честно сказать, я сама толком не знала, чем занимается этот промышленный колосс. Знала только то, что писали в газетах. И во главе всего этого стоял только один человек. Мой кошмар. Один человек, за короткий период времени превративший заброшенный, опустевший, разломанный агрегат в процветающее промышленное производство.

Завод обеспечивал большое количество рабочих мест с зарплатой и полным социальным обеспечением. Зарплату выплачивали регулярно, причем деньгами, а не продукцией. Сотрудники развозились с работы и на работу автобусами в разные районы города. Конкурс на рабочие места был там колоссальный, люди мечтали туда попасть.

В – третьих завод находился в центре города, в самом центре, и этого никто так просто не собирался простить. Местонахождение и два вышеперечисленных фактора превратили завод полимеров в настоящую зону вечных боевых действий. Не проходило месяца, чтобы в зоне этого огня не разгоралось какой-то очередной войны. С заводом воевали все, кому не лень. Этому особенно способствовал плохой характер моего кошмара, словно специально провоцирующего огонь на себя. Воевали все – но никто не выигрывал. Кроме моего кошмара. Он сумел из всех обстоятельств извлечь выгоду для себя. Наверное, он был выдающимся человеком. Он видел то, чего реально достиг. И то, во что была вложена такая доля его нечеловеческого труда, просто невозможно было снова бросить на поругание и запустение.

В самой середине рабочего дня на заводе бурлила жизнь. Возле главного корпуса стояла куча роскошных иномарок, в широко распахнутые ворота въезжали и выезжали грузовые машины – одна за другой, суетились какие-то люди. Из цехов доносился гул. Над всей территорией стоял плотный, густой смог – устоявшийся запах промышленной химии. Вокруг бурлила крупная жизнь. Настолько бурная, что врезаться в самую гущу толпы я не решилась. Проще говоря, я не посмела никого спросить. Я растерялась посреди этой суеты, а огромные корпуса гиганта так возвышались надо мной, над небом – словно придавливая меня к земле. Поэтому, вздохнув посреди всего этого столпотворения, я прошла мимо. В тот же вечер раздался телефонный звонок.

– Мне нужно срочно с тобой поговорить. Буду через полчаса. Выйди.

Я удивилась и обрадовалась – одновременно. Удивилась потому, что мы виделись всего два дня назад. У нас было просто замечательное свидание (одно из лучших), к которому больше ничего не следовало добавлять. Зачем же он снова хочет меня видеть? Но я обрадовалась – я радовалась всегда, когда он звонил. Каждая моя встреча с этим человеком был мой праздник. Никому не понятный, исключительно мой!

Я не сопоставляла его образ жизни с тем, что видела этим днем (магазин, заводские корпуса) с человеком, с которым мне предстояло увидеться. Не сопоставляла себе потому, что не

могла реально представить его, командующего людьми. Мне всегда казалось, что он на работе и он со мной – два абсолютно разных человека. Истина была гораздо проще. Таким, каким он был на работе, видели его все. И только я одна на всей земле видела его в интимные минуты слабым и беззащитным. Словно сбрасывающим свою защитную маску и приоткрывающим запретную часть души. Единственное место, где мужчина бывает беззащитным и открытым – это постель женщины. И оттого, глядя на смягчившиеся черты его лица, когда он тихонько засыпал рядом, мое сердце переполнялось такой щемящей, такой острой нежностью, что мне хотелось обнять его, как маленького ребенка, и крепко прижать к груди. Своей любовью защитить и сберечь от окружающего мира. От зла, зависти, предательства, подлости и жестокости. От всех этих чего-то бесконечно ждущих от него людей.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.